103 5/52

103 5/52

УГОЛОКЪ

КРЫМА.

ОЧЕРКЪ.

284

Н. Ященко.

РОСТОВЪ НА-ДОНУ.
Типо-хромолитографія Холева
1883.

УГОЛОКЪ
КРЫМА

ОЧЕРКЪ.

Н. Ященко.

Ростовъ на Дону.
Типо-хромолитографія Холева.
1883.

Дозволено цензурою. Москва 7 августа 1883 года.

Гос. Историч. Научн. Б-ка
Н. РСФСР
№ 299000
„ — „ — 193 г.

УГОЛОКЪ КРЫМА.

Кто видѣлъ край, гдѣ роскошью природы
Оживлены дубровы и луга,
Гдѣ весело синѣютъ, блещутъ воды,
Роскошные лаская берега . . . .

Пушкинъ.

I.

Отъ Θеодосіи до станціи Криница. Встрѣча двухъ военныхъ, Городокъ Старый-Крымъ.

Въ 32-хъ верстахъ отъ Θеодосіи находится одно изъ прелестнѣйшихъ мѣстъ, когда-либо видѣнное нами, называемое „Кизиль-ташъ.“ Красота природы здѣсь выступаетъ во всей своей роскоши.—Прежде чѣмъ мы дойдемъ до обѣтованнаго уголка, постараемся описать дорогу, ведущую къ нему дугою черезъ г. Судакъ. Мы выѣхали изъ Θеодосіи въ 9 часовъ утра въ открытомъ почтовомъ фургонѣ Упомянутый фургонъ имѣетъ видъ ящика, раз

ширяющагося кверху, и представляетъ просторное помѣщеніе не только для сидѣнія, но даже и для лѣниваго горизонтальнаго положенія.— Эти экипажи, имѣя тонкія, высокія, на желѣзныхъ осяхъ, колеса, очень легки на ходу. — Покупаются и заказываются они въ нѣмецкихъ колоніяхъ. Колонисты тщательно ихъ выдѣлываютъ, оковывая демидовскимъ желѣзомъ; желѣзо это, какъ извѣстно, отличается своею мягкостью и тягучестью, и, такимъ образомъ, дольше можетъ противустоять толчкамъ получаемымъ экипажемъ.— Въ фургонъ обыкновенно впрягается пара лошадей въ дышло, и прибавляютъ къ нимъ иногда одну или двѣ пристяжныхъ. Вся упряжь лошадей дѣлается изъ широкаго прочнаго ремня, и имѣетъ такія-же ременныя постромки, идущія отъ хомутовъ, въ противуположность нашимъ ямщицкимъ веревочнымъ постромкамъ. Въ такомъ экипажѣ мы отправились изъ Ѳеодосіи сначала по берегу бухты, потомъ повернули влѣво; миновали зданія мастерскихъ, назначенныхъ когда-то для ѳеодосійской желѣзной дороги, и, оставя въ сторонѣ дачи частныхъ лицъ и тутъ-же небольшую красиво расположенную на горѣ, нѣмецкую колонію,—выѣхали на ровную, пыльную, почти степную дорогу, по направленію къ г. Судаку. Проѣзжая мимо мастерскихъ, и видя ихъ окна

забитыя лубками, мы невольно вспомнили о прошедшемъ. — Какая кипучая жизнь готовилась для Ѳеодосіи при соединеніи ее желѣзною дорогою съ Москвой! Бухта ея считается одною изъ лучшихъ на Черномъ морѣ. Все вниманіе предпріимчивыхъ людей Крымскаго полуострова, въ виду строющейся тогда желѣзной дороги, было обращено на городъ Ѳеодосію; слишкомъ много нашлось смѣльчаковъ, которые поторопились употребить всѣ свои деньги на возведеніе городскихъ построекъ, надѣясь возвратить при увеличеніи народонаселенія въ Ѳеодосіи, таковыя затраты съ лихвой. — Но надежды ихъ не сбылись. Сидятъ они теперь, бѣдные, у воротъ своихъ домовъ, сложивши руки, и покачиваютъ головами въ раздумьи, не зная что дѣлать имъ съ своими пустыми домами и кому ихъ продать? Одинъ ѳеодосіецъ предлагалъ намъ дачу на все лѣто безвозмездно, во избѣжаніе лишней платы сторожу, оберегающему недвижимое имущество; мы не согласились на его предложеніе по отдаленности дачи отъ центра города, гдѣ можно было нанять квартиру вообще дешево. Сверхъ всякаго моего ожиданія, я задумался о послѣдствіяхъ ѳеодосійской желѣзной дороги, и не замѣтилъ, какъ пыль, поднятая нашимъ фургономъ, далеко осталась въ степи позади насъ, и мы уже приближались къ полугористой мѣстности, къ станціи

Криница.—Эта послѣдняя получила свое названіе отъ окружающей ее татарско-русской деревни.

На станціи, по обыкновенію, не оказалось лошадей, хотя лѣтомъ, при пароходномъ сообщеніи, проѣзжающихъ чрезъ эту станцію бываетъ очень мало; но должно быть станціонные смотрители вездѣ на одинъ покрой, и съ однимъ и тѣмъ же отвѣтомъ: „*лошадей нѣтъ!*“ Впрочемъ, криничанскій смотритель прибавилъ, что хотя лошади и есть, но онѣ только что сейчасъ возвратились съ гона, и еще не выкормились; что было равносильно тому, какъ-бы ихъ совсѣмъ не было.—Надо было ждать законные три часа.—Отъ нечего дѣлать, мы достали свою провизію и сѣли закусывать. Трехчасовое ожиданіе лошадей, доставило намъ удовольствіе случайно увидать двухъ чудаковъ.—Хотя эти лица и не имѣютъ ничего общаго съ настоящимъ очеркомъ, но встрѣтивъ въ крымскомъ захолустьѣ людей, да притомъ еще русскихъ, мы не вытерпѣли, чтобы не взглянуть, хотя мелькомъ, на своихъ. Предстоитъ-же намъ впереди описаніе природы, отчего-же теперь не взглянуть и на живыхъ людей.

Къ станціи подъѣхалъ фургонъ и привезъ двухъ военныхъ: полковника и маіора. Полковникъ былъ, небольшаго роста, кругленькій и розовенькій господинъ съ Владиміромъ

на шеѣ.

Вошедши развязно въ пріемную комнату, полковникъ обратился къ намъ съ веселымъ выраженіемъ на лицѣ:

— „Пріятнаго аппетита, господа! Позвольте узнать, откуда ѣдете?“

— „Изъ Ѳеодосіи,“ отвѣтилъ одинъ изъ насъ.

— „Вѣроятно путешествуете?“

— „Да“.

— „Отчего-же вы, господа, не догадались дома закусить; проѣхали 20 верстъ, и дѣлаете такую долгую стоянку; понапрасно теряете золотое время?“

— „Лошади откармливаются,“ сказали мы всѣ вчетверомъ, смѣясь.

— „Ха, ха, ха,“ . . . разразился полковникъ, —„то-то я смотрю, вы такъ уютно размѣстились, какъ будто-бы на ночлегъ. Знаете, господа, я теперь смѣюсь, а было время, когда мнѣ было самому не до смѣха; бывало пріѣдешь эдакъ вотъ, какъ вы, по частной надобности,—*лошадей нѣтъ*!—отвѣтитъ вамъ смотритель; ужь ты горячишься, горячишься, и по конюшнямъ-то бѣгаешь, потому знаете, отпускъ-то всего на 28 дней, ну время дорого, торопишься, анъ не тутъ-то было, надо угомониться; да вотъ также, какъ вы и сядешь бывало закусывать да утолять жажду виномъ или просто-на-просто водой.“

— „Самое лучшее средство для утоленія жажды,“ вмѣшался маіоръ, усѣвшійся тутъ-же, худощавый, высокій человѣкъ съ болѣзненной физіономіей, и глазами устремленными въ полъ, „испытанное мною на Кавказѣ,—это водка; мнѣ ничего не давайте, ни отъ жары, ни отъ соленаго, кромѣ водки; одну, другую выпьешь, и хоть на цѣлый день. — Я никогда и жажды не знаю. —Совѣтую и вамъ, господа, обратить на это вниманіе. Я, знаете, какой-то странный человѣкъ; никогда не употребляю воды, вотъ уже 15 лѣтъ, и какъ-то не тянетъ; должно быть отвыкъ; только иногда по праздникамъ и пью ее.“

„Да, да,“ сказалъ полковникъ, потирая руки, и ходя взадъ и впередъ по комнатѣ, „теперь не то время, я уже привыкъ ѣздить по дорогамъ,—пора уже. Теперь, когда беру подорожную, то прошу тамъ знакомаго мнѣ человѣчка, дескать, подмахни-ка мнѣ *по экстренной надобности*; такъ-то знаете, гораздо лучше, пріѣдешь на станцію, а тамъ полна комната пассажировъ, а ты только покажешь подорожную, и *лошади готовы*“. Послѣднія слова проговорилъ полковникъ поддѣлываясь подъ тонъ смотрителя. Опытный человѣкъ продолжалъ: „Жаль мнѣ, другой разъ, бѣдныхъ проѣзжающихъ, потому что, самъ тоже ѣдешь по частной надобности, понимаешь вполнѣ ихъ положеніе;

пріѣдешь позже всѣхъ, да мимо носа и уѣдешь раньше всѣхъ; что же будешь дѣлать, надо что нибудь предпринимать, а то сиди". „При этомъ полковникъ вздохнулъ". „У меня еще есть и другой анеръ на этотъ случай . . . ."

— „Лошади готовы," сказалъ вошедшій смотритель.

Самодовольный полковникъ и маіоръ, пьющій воду только по праздникамъ, сѣли въ фургонъ, и вскорѣ скрылись въ пыли, по дорогѣ въ г. Ѳеодосію, звеня только издали колокольчикомъ.

Смотритель наконецъ смиловался и надъ нами; вѣроятно не видя для себя никакого прокуу, такъ какъ у насъ была своя провизія, и отпустилъ насъ черезъ 10 минутъ по отъѣздѣ военныхъ.

Мы сидѣли въ фургонѣ и ѣхали, приближаясь къ горамъ.

Со станціи Криница уже начинаетъ тянуться дорога, сопровождаемая зеленью и чистымъ воздухомъ; впереди возвышаются горы, совсѣмъ обнаженныя, и, кое-гдѣ съ обожженной южнымъ палящимъ солнцемъ травой; но за ними виднѣются, краса Южнаго берега, настоящія крымскія горы, покрытыя сверху до низу густыми деревьями, которыя отъ нависшаго на нихъ постояннаго тумана, издали кажутся затянутыми темнозеленымъ бархатомъ. — На этихъ

горахъ лежитъ какая-то печать таинственности; но онѣ не наводятъ того страха, который васъ обхватываетъ при видѣ дикихъ кавказскихъ горъ. Здѣсь природа болѣе улыбающаяся и пріятно ласкающая. Эта краса, какъ будто-бы съ распростертыми объятіями манитъ васъ къ себѣ, и вы, невольно поддаваясь ея обаянію, стремитесь съ спокойной душой и открытымъ сердцемъ подъ ея развѣсистыя деревья, издающія пріятно смолистый запахъ и распространяющія вокругъ себя влажность и прохладу. — Крымскія горы покрыты большею частію кизилемъ; слово *кизиль*, на татарскомъ языкѣ, значитъ *красный*. Такое названіе получило это растеніе отъ цвѣта своихъ красныхъ продолговатыхъ ягодъ, похожихъ на вишню. Ягоды кизиля довольно терпки, и бываютъ только тогда употребляемы въ пищу, когда онѣ, при полной зрѣлости, падаютъ на землю. Твердыя и сочныя ягоды кизиля, имѣя при томъ кисловатый вкусъ, необыкновенно хороши для варенья. Варенье приготовляемое изъ кизиля, вывозится во всѣ черноморскіе города, и встрѣчается часто въ продажѣ на Дону. Татары, живущіе въ деревняхъ, разбросанныхъ около горъ, собираютъ эти ягоды, и продаютъ ихъ сырьемъ городскимъ торговцамъ, имѣющимъ бакалейные магазины *); эти тор-

*) Бакалейными магазинами называются въ Новороссійскомъ

говцы уже приготовляютъ изъ кизиля варенье для продажи. Кизиль принадлежитъ къ кустарниковымъ растеніямъ; древесина его необыкновенно тверда, и употребляется при токарномъ искусствѣ, хотя очень рѣдко, такъ какъ настоящаго примѣненія ни татары, ни русскіе еще не успѣли сдѣлать изъ ствола кизилеваго дерева. Въ Россіи, нечего грѣха таить, есть еще много не тронутаго добра, помимо и поважнѣе описаннаго нами растенія, слѣдовательно о немъ не можетъ быть и рѣчи. Пользу отъ него, развѣ, увидятъ наши потомки въ далекомъ будущемъ.

По пути, мы встрѣтили городокъ Старый-Крымъ, который былъ когда-то городомъ; онъ наполненъ армянами и частію болгарами. Нахичевань-на-Дону и Старый-Крымъ, единственныя два армянскія поселенія въ юж. Россіи, которыя со временъ Императрицы Екатерины II, пользовались до послѣдняго времени особенными привилегіями относительно своихъ гражданъ. По оставшимся двумъ большимъ фонтанамъ, можно смутно догадываться, что С. Крымъ въ свое время былъ довольно значительнымъ городомъ. Изъ древностей здѣсь уцѣлѣлъ только бывшій греческій монастырь, который вмѣстѣ съ городомъ перешелъ

краѣ извѣстные у насъ на сѣверѣ магазины колоніальныхъ товаровъ. Слово bocalia занесено къ намъ, вѣроятно, итальянцами, въ переводѣ оно значитъ **ягода.**

во владѣніе армянъ, и передѣланъ теперь въ армяно-григоріанскую церковь. Городокъ состоитъ изъ однихъ мазанныхъ хатокъ, и похожъ болѣе на деревню.

Наконецъ мы приблизились въ давно-желаннымъ мѣстамъ, и дорога наша пошла по котловинѣ, окруженной горами; прохлада и свѣжесть повѣяли на насъ —Не доѣзжая еще до станціи Эльбузла, нашъ видимый горизонтъ, прикрываемый зеленью, по мѣрѣ приближающихся мохнатыхъ горъ, все болѣе и болѣе прятался отъ насъ, и по временамъ совершенно исчезалъ. Тогда намъ приходилось ѣхать подъ деревьями, и постоянно наклонять головы, чтобы не быть задѣтыми вѣтвями, которыя какъ-бы желали съ вами побесѣдовать и дружелюбно протягивали свои длинныя вѣтви для рукопожатія.

Такова здѣсь почтовая дорога до станціи Эльбузлинской, помѣщающейся въ татарской деревнѣ Эльбузла.

Противъ обыкновенія, какъ Криничанская, Эльбузлинская станціи, такъ и далѣе лежащая Судакская, намъ показались необыкновенно опрятными. Всѣ онѣ обставлены хорошею, обитою сафьяномъ, мебелью, чистенькими полированными столами, и имѣютъ большіе портреты Государя Императора *).

*) Нынѣ въ Бозѣ почившаго.

II.

Отъ станціи Эльбузла до деревни Таракташъ. Причудливыя горы. Арба съ татарками Крымскій табакъ. Хаджи. Таракташъ.

На станціи Эльбузла, я спросилъ смотрителя: „Есть-ли въ этой мѣстности фруктовые сады?“ Смотритель отвѣтилъ намъ, что въ этой мѣстности больше засѣваютъ, табакъ и частію виноградъ. „Вотъ посмотрите“, сказалъ онъ, указывая съ крыльца станціи, „всѣ эти поля засѣяны табакомъ, а дальше къ горамъ идетъ виноградъ“. Вдали были видны, на склонѣ горы, правильными рядами разсаженные виноградные кусты. Табакъ былъ размѣщенъ менѣе правильно.

—„А гдѣ-же крымскіе фруктовые сады?“

—„Сады дальше. Когда вы будете подѣзжать къ Судаку, то издали замѣтите ихъ по высокимъ тополямъ.“

—„И много тамъ фруктовыхъ садовъ?“

—„Они тянутся верстъ на семь, вплоть до Судака, и дальше до самаго Чернаго моря. Если вы остановитесь въ Судакѣ, то зайдите въ садъ Османа, вы тамъ можете купить отличныхъ яблокъ и грушъ“.

Мы поблагодарили любезнаго смотрителя, и такъ какъ не было остановки за лошадьми, то отправились дальше по дорогѣ къ г. Судаку.

Проѣхавъ по ровной мѣстности 2 версты отъ станціи, мы сдѣлали небольшую дугу по направленію къ обратной дорогѣ, и стали опять подъѣзжать къ лѣсной чащѣ. Закрытымъ древеснымъ тоннелемъ, мы подвигались почти вплоть до г. Судака. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ тоннеля, лучи солнца никогда не пробиваются сквозь густую массу деревьевъ, въ числѣ которыхъ произрастаютъ: дубъ, орѣшникъ, берестъ, ясень и кленъ. Дикій виноградъ, вьясь около близъ стоящихъ высокихъ деревьевъ, опутываетъ ихъ почти до самыхъ верхушекъ, какъ паукъ опутываетъ насѣкомое паутиною; своею густою листвой прижимается онъ къ обожаемому предмету, и кажется какъ будто-бы хочетъ задушить его въ своихъ объятіяхъ. Тоннель, образовавшійся изъ деревьевъ, тянется почти на 20 верстъ.

Въ такой прохладѣ, мы ѣхали въ два часа пополудни, слѣдовательно въ самую жаркую пору дня, но мы не помышляли о ней. Въ то время, намъ казался непонятнымъ жаръ солнца внѣ тянувшагося тоннеля; такъ было прохладно и хорошо.

Только иногда, когда мы выѣзжали изъ лѣса

и попадали на промежуточную площадку, нашимъ взорамъ, неожиданно, открывались верхушки обнаженныхъ скалистыхъ горъ, эффектно освѣщенныя полуденнымъ солнцемъ; блеснувъ своей дивной панорамой, онѣ опять скрывались за чащею деревъ, и дорога наша снова шла, какъ въ погребѣ.

Скаты горъ, какъ я уже сказалъ, покрыты деревьями, и преимущественно кизилемъ; верхушки же ихъ, попадающіяся часто обнаженными, образуютъ разнообразныя формы, схожія съ обыденными предметами; иногда въ видѣ черкесскаго сѣдла, или полукруглаго женскаго гребешка. Одна изъ этихъ прелестныхъ горъ, и названа мѣстными татарами,—*Таракташъ*, по ея сходству съ гребнемъ. *Тарак* значитъ по татарски гребень, а *ташъ*—камень, т. е. каменный гребешекъ. Намъ даже разъ показался одинъ камень, свалившійся сверху, и остановившійся на срединѣ скалы, въ видѣ идущаго на гору монаха въ клобукѣ съ палкою въ рукахъ. Этотъ камень всегда обращаетъ на себя вниманіе всѣхъ проѣзжающихъ. Здѣсь часто встрѣчаются по пути громаднѣйшіе каменные обломки, которые отъ времени свалились съ горныхъ верхушекъ, и теперь красуются при долинахъ въ картинномъ безпорядкѣ.

Вся дорога шла или въ гору,или подъ гору

Когда мы поднимались на высоту, намъ виднѣлись овраги, заросшіе до безконечной глуби, разнообразными деревьями и травой. Лучъ солнца, пробиваясь въ эти пропасти, представлялъ длинную полосу свѣта, золотя собою все попадавшееся на пути. Листья, не видавшіе никогда пыли, блестѣли на солнцѣ, какъ изумруды. Одна панорама смѣнялась другою. Рядомъ съ пропастью возвышалась гора, кажущаяся издали совершенно отвѣсною; на ней, на мѣстахъ не заросшихъ деревьями, были разбросаны стада овецъ и буйволовъ, которые также, какъ-бы въ отвѣсномъ положеніи, лѣпились на высотѣ, какъ мухи. Все время горы были вокругъ насъ. Нашъ путь шелъ по извилистымъ ущельямъ, и мы точно ныряли изъ одного тоннеля въ другой.

При выѣздѣ изъ лѣснаго царства, по спуску горы, вдали показалась татарская деревня, названная по имени горы,—Тараканъ. Деревня эта живописно раскинулась на большой долинѣ, и своими минаретами, стоящими около мечетей, и раскрашенными домиками, покрытыми красной черепицей, пополняла картину природы.

На встрѣчу намъ, изъ деревни выѣзжала арба (родъ длинной телеги съ высокими рѣшетками по бокамъ), запряженная двумя верблюдами. Въ ней сидѣли четыре татарки въ желтыхъ

шараварахъ, собранныхъ по обыкновенію внизу круглымъ фонарикомъ, краснаго цвѣта кафтанахъ выложенныхъ желтыми шнурками, и подпоясанныя кожаными съ серебрянымъ наборомъ поясами. Сверхъ этого костюма, у нихъ были накинуты на головы, прикрѣпленныя къ прическѣ бѣлыя покрывалы или чадры, изъ подъ которыхъ были видны красныя шапочки, унизанныя на околышахъ червонцами. Обыкновенно, татарки носятъ эти покрывалы откинутыми назадъ за плечи. Сидящія въ арбѣ татарки очень любопытно посматривали на насъ издали, но по мѣрѣ приближенія къ намъ, онѣ начали медленно стягивать обѣими руками свои бѣлыя покрывалы, и окончательно закрыли ими лица. Строгій обычай прятаться отъ мужчинъ, сохранился въ Крыму только въ деревняхъ; горожанки-же, въ особенности пожилыя, давно уже оставили свою неумѣстную стыдливость, и носятъ покрывалы на головахъ не закрывая ими лицъ. Туфель мы не замѣтили, но вѣроятно онѣ были надѣты на босую ногу, какъ это намъ встрѣчалось видѣть на другихъ татаркахъ. Надо кстати упомянуть, что маленькія дѣвочки—татарки, отъ 3-хъ до 12-ти лѣтъ, носятъ волосы заплетенные въ небольшія заостренныя косички, перевитыя ленточками. Эти косички идутъ въ видѣ локоновъ вокругъ всей головы При плете-

ніи подобныхъ косичекъ, требуется не мало хлопотъ, и татарки сдѣлавъ дѣтямъ такія кауфюры, по своей лѣности, оставляютъ ихъ нетронутыми въ продолженіи цѣлаго мѣсяца, при чемъ, довольно изящная прическа путается и грязнится неимовѣрно.

Погонщикомъ верблюдовъ былъ татаринъ въ синей куртке, обыкновенныхъ синихъ шараварахъ, босикомъ, и въ черной низенькой барашковой шапкѣ.

Въѣхавъ въ деревню, мы не встрѣтили на ея улицахъ ни одной женщины; вѣроятно, всѣ онѣ находились у своихъ мужей подъ замкомъ. День былъ будничный, но татары кучками сидѣли около домовъ, поджавши подъ себя ноги, и невозмутимо — спокойно курили, обыкновенныя трубки изъ крымскаго табаку.

Табакъ въ большемъ количествѣ произрастаетъ около мѣстечка Старый-Крымъ, въ Судакѣ, около Ялты и близъ Севастополя. Крымскій табакъ на видъ темно-желтаго цвѣта, и продается на мѣстѣ отъ 4-хъ до 20 р. сер. за пудъ. Во время севастопольской войны, французскія войска, находясь въ постоянныхъ сношеніяхъ съ турками, впервые познакомились съ крымскимъ и турецкимъ табакомъ, и начали преимущественно турецкій, какъ высшій сортъ вывозить во Францію. Съ тѣхъ поръ

Турція стала въ значительномъ количествѣ отправлять свой табакъ во Францію и южную Германію. Вслѣдствіе этого, привозъ въ Россію его значительно уменьшился а при увеличеніи еще заграничной пошлины, и самая цѣна на него сильно повысилась. Теперь всѣ фабриканты Новороссійскаго края крошатъ и продаютъ крымскій или кавказскій табакъ, прибавляя къ нему только самую незначительную долю турецкаго, въ пропорціи 10 фунтовъ на пудъ, или даже еще менѣе того. Такимъ образомъ, московскіе и петербургскіе магазины, давно уже получаютъ изъ южно-русскихъ портовъ, почти чистый крымскій или кавказскій табакъ; хотя на вывѣскахъ и этикетахъ, этотъ послѣдній и носитъ еще, по старой памяти, названіе—турецкаго.—Продается онъ, какъ и водится, по цѣнамъ турецкаго табаку. Разница-же между тѣмъ и другимъ громадная, какъ въ цѣнѣ, такъ и въ качествѣ. Настоящій турецкій табакъ легко можно узнать по процессу его горѣнія. Турецкій—при куреніи даетъ дымъ синяго цвѣта, который мягокъ, отличается ароматомъ, и оставляетъ при сгораніи пепелъ свѣтло-сѣраго цвѣта. Крымскій же на оборотъ, отличается бѣлымъ дымомъ, производитъ горечь во рту, и оставляетъ при сгораніи почти черный пепелъ.

На нѣкоторыхъ изъ курящихъ, шапки были

обвиты бѣлою перевязью Это были пожилые люди, исполнившіе долгъ относительно своей религіи, т. е. побывавшіе въ Меккѣ и Мединѣ на поклоненіи у гробницы Магомета. Вернувшіеся обратно домой, носятъ обыкновенно знаки отличія (бѣлая перевязь на шапкѣ), получаютъ названіе *хаджи*, и пользуются особеннымъ почетомъ.

Таракташъ довольно большая деревня, застроенная чистенькими, каменными, лѣпленными на глинѣ, домиками, и имѣетъ двѣ мечети. Татарскіе домики обыкновенно имѣютъ у себя окны, выходящія только во дворъ; лицевая-же или уличная сторона домовъ представляетъ изъ-себя сплошную глухую стѣну, которая такимъ образомъ скрываетъ отъ любопытныхъ взоровъ, житье —бытье старыхъ и молодыхъ хозяекъ татарокъ.

Жители Таракташа занимаются разведеніемъ винограда и скотоводствомъ.

Когда мы переѣзжали эту деревню, около 6 часовъ вечера, намъ послышался какой-то дикій, нечеловѣческій звукъ; обернувшись по сторонамъ, мы замѣтили сѣдую бороду муллы, выглядывающаго изъ окна высокаго минарета; мулла рѣзкимъ голосомъ на распѣвъ призывалъ правовѣрныхъ на вечернюю молитву. Подобные призывы въ мечеть совершаются по 5 разъ въ день. Разумѣется, одни только свободные отъ дѣла, старики исполнютъ аккуратно такія

требы. Правовѣрные начали собираться на молитву, а мы поѣхали дальше. На выгонѣ встрѣтилась намъ молодая татарка въ вышеупомянутомъ костюмѣ и желтыхъ туфляхъ безъ задковъ; замѣтивъ нашъ фургонъ, она наскоро закрывъ лицо покрываломъ, съ быстротою серны перебѣжала намъ дорогу, и поднимаясь на пригорокъ, посматривала оттуда на насъ изъ подлобья, какъ звѣрекъ. Какъ видно, было желаніе и любопытство посмотрѣть на все живое окружающее, но мусульманскій обычай не дозволялъ ей подъ строгою отвѣтственостью открыто удовлетворять такимъ немаловажнымъ прихотямъ. Жаль этихъ бѣдныхъ существъ! Умственная жизнь ихъ должна быть очень узка; вся ихъ наличная жизнь только и ограничивается няньченьемъ дѣтей и парядами, которые почти никто не видитъ.

III

Отъ Таракташа до Судака. Сады и виноградники. Крымское вино. Древній Сурожъ. Греческая царевна. Судакъ. Безсонная ночь. Османъ и его садъ, Кальянъ.

Отъ деревни Таракташъ дорога все время идетъ по возвышеннымъ уклонамъ, а въ низменной долинѣ начинаютъ появляться фруктовые сады, съ свѣжею, какъ-бы по-

крытою лакомъ зеленью, весьма пріятною для глазъ.

Сады разводятся на ровной площадѣ между горами, и такимъ образомъ они бываютъ защищены отъ сѣверныхъ холодныхъ вѣтровъ. Площадь эта простирается извилинами на протяженіи 5 верстъ, вплоть до г. Судака. Заборы ихъ складываются изъ колючаго травянистаго растенія въ $1^1/_2$ аршина вышины и $^1/_2$ аршина толщины. Не смотря на такую низенькую изгородь, черезъ нее однако труднѣе перелѣзть, чѣмъ черезъ высокій деревянный заборъ; перелазъ этотъ сопряженъ съ опасностью быть сильно уколотымъ, и въ тоже время можетъ превратить ваше платье въ лохмотье.—Изгородь оказывается дешевою и практичною. Вдоль забора возвышаются высокіе тополи, называемые здѣсь *раинами;* они имѣютъ видъ пламени обыкновенной свѣчи, оканчиваясь остріемъ чуть не въ иголочку, и бываютъ вышиною съ любую колокольню. Такими тополями окружены всѣ здѣшніе сады; высокія деревья также служатъ немалою защитою отъ вѣтровъ. Все вниманіе садохозяевъ обращено на разведеніе различныхъ фруктовыхъ деревьевъ, и преимущественно виноградниковъ для выдѣлки вина. Здѣсь разводится, какъ бѣлый, такъ и красный виноградъ; но вино изъ бѣлаго винограда болѣе

предпочитается. Садохозяева, до сихъ поръ, не имѣютъ здѣсь своихъ большихъ погребовъ для выдержки вина, и поэтому, большими партіями продаютъ пріѣзжающимъ сюда одесскимъ купцамъ, одинъ свѣжій виноградный сокъ отъ 80 к. до 1 р. 40 к. за ведро.

Татары не выдерживаютъ винъ, по причинѣ воспрещающаго магометанскаго закона, не допускающаго броженія, а русскіе хозяева поступаютъ такъ, или понеумѣнію выдерживать, или же оттого, что у нихъ одесскіе купцы насильно вырываютъ изъ рукъ одинъ виноградный сокъ, не давая имъ додерживать его. Одесскіе купцы, привозя виноградный сокъ на мѣсто, выдерживаютъ его въ своихъ подвалахъ, и потомъ уже фабрикуютъ на разные лады. Часть, выдѣланнаго вина, выпускается ими въ свѣтъ подъ названіемъ южно-бережскаго, а другая— подъ названіемъ французскихъ и испанскихъ винъ, какъ напримѣръ: *аликанте*, *сентъ-эстефъ* и другія, такъ что цѣльное и натуральное вино, можно только доставать случайно у нѣкоторыхъ русскихъ хозяевъ, которые имѣя малые погреба, приготовляютъ его для своего домашняго обихода Въ большомъ-же количествѣ цѣльныя вина можно получать въ садахъ князя Воронцова и г. Княжевича около г. Ялты, гдѣ имѣются подвалы да и то не совсѣмъ додержанные сорта. Судак-

скія вина имѣютъ сравнительно съ другими южнобережскими винами, свою характеристическую прелесть. Заѣзжій сюда одинъ французъ знатокъ въ винахъ, высоко при насъ цѣнилъ судакское бѣлое вино, и говорилъ намъ, что его просто поражаетъ, что русскіе не умѣютъ пользоваться такимъ сокровищемъ; при этомъ онъ добавилъ, что здѣсь могло-бы выдѣлываться превосходное *шампанское.*

Но что странно, такъ это то, что Ѳеодосія, лежащая въ 60 верстахъ отъ Судака имѣетъ въ продажѣ фабрикованныя судакскія вина перевезенныя уже чрезъ Одессу.—На вопросъ, отчего въ Ѳеодосіи не выдерживаютъ винъ изъ судакскаго виноградnаго сока, мнѣ отвѣтили, что „тамъ не имѣется холодныхъ помѣщеній для разливки“.—Отвѣтъ далеко не удовлетворительный, и можно даже сказать, дѣтскій.—Во время постройки ѳеодосійской желѣзной дороги, прибывшіе на работы французы находили же помѣщенія, и приготовляли отличное вино изъ того же самаго судакскаго виноградnаго сока.

Невольно возникаетъ вопросъ, отчего у русскихъ происходитъ такое нерадѣніе относительно хорошей выдѣлки вина? Мнѣ кажется, что отвѣтъ на него не особенно будетъ затруднителенъ. Все дѣло состоитъ въ томъ, что у насъ

въ Россіи есть много естественныхъ богатствъ, которыя съ меньшими знаніями и съ меньшею кропотливостью, даютъ гораздо болѣе осязаемой пользы, чѣмъ винодѣліе вообще; а человѣкъ, по самой природѣ своей, выбираетъ сначало самое легкое; да и въ тоже время полѣзное дѣло. Винодѣліе-же находится въ зависимости отъ спеціальныхъ знаній и большаго опыта, чѣмъ мы русскіе разумѣется, и по сіи время не можемъ похвалиться; да и къ тому-же, конкуренція иностранныхъ винъ слишкомъ сильна, чтобы съ нею можно было бороться; тутъ требуется кромѣ знаній еще энергія и большой трудъ.

Кромѣ винограда, въ садахъ произрастаютъ всякаго рода деревья, приносящія такія плоды какъ: яблоки, груши, бергамоты, айва (родъ бергамота,) гранаты, вишни, лимоны, персики, абрикосы, сливы, рябина, шушмала,*) шелковица, грецкій орѣхъ, миндаль, винныя ягоды и изъ травянистыхъ растеній,—коринка (мелкій виноградъ), каперсы, крыжевникъ, красная и черная смородина и др.

---

*) Шушмала и рябина имѣютъ видъ маленькихъ яблочковъ, и отличаются необыкновенной вязкостью; такъ что, надо первоначально дать имъ отлежаться, чтобы онѣ были годны для употребленія, иначе ихъ трудно проглотить. Отлежавшіеся-же теряютъ свою вязкость, и бываютъ очень вкусны.

Нѣкоторыя деревья чуть не отпускаются до земли отъ количества и тяжести своихъ плодовъ; таковые урожаи бываютъ въ этой благодатной сторонѣ.

Не смотря однако на такое обиліе плодовыхъ растеній, въ крымскихъ лавкахъ находится не особенно много хорошихъ фруктъ. Всѣ лучшія фрукты почти безъ остатка вывозятся отсюда харьковскими, одесскими, московскими и другими торговцами. Покупщики прямо пріѣзжаютъ въ сады, и тамъ-же на мѣстѣ закупориваютъ всѣ произведенія въ ящики, и отправляютъ ихъ куда слѣдуетъ по назначенію. Такимъ образомъ, въ окружныхъ городахъ Крымскаго полуострова, вышеупомянутыя произведеиія можно покупать лучше и дешевле, нежели на самомъ мѣстѣ ихъ произрастенія.—Недостатокъ фруктъ на базарахъ, напримѣръ въ Ѳеодосіи, бросается въ глаза каждому пріѣзжающему, и не мало удивляетъ надѣющагося встрѣтить здѣсь нипочемъ райскіе плоды.

Мѣстечко Судакъ находится въ 2-хъ верстахъ отъ Чернаго моря, и представляетъ нѣсколько разбросанныхъ довольно красивыхъ домиковъ, помѣщающихся около своихъ садовъ. Судакъ заселенъ русскими, армянами и татарами; какъ-тѣ, такъ и другіе занимаются разведеніемъ винограда и фруктовыхъ деревьевъ. Все

мѣстечко состоитъ изъ 30 или 40 домовъ, и одной русской церкви. Городокъ Судакъ, древній Сугдай или Сурожъ, какъ его называли еще въ VIII вѣкѣ русскіе торговые люди, пріѣзжавшіе сюда за товарами, принадлежалъ когда-то грекамъ, и былъ цвѣтущимъ, богатымъ, торговымъ городомъ.—Сюда привозились изъ Азіи греческими купцами, разные шелковые, ситцевые товары, парчи, слоновая кость, разныя вина и проч. Русскіе купцы привозили въ Сурожъ различные мѣха, и взамѣнъ брали отсюда парчи и ситцевые товары. Въ Москвѣ до послѣдняго времени была, такъ называемая суровская или сурожская торговая линія, въ которой преимущественно были продаваемы разные ситцы и другія матеріи.—Линія эта получила разумѣется свое названіе отъ г. Сурожа, откуда вывозились первоначально вышеупомянутые товары.

Нынѣшній Судакъ лежитъ въ 2-хъ верстахъ отъ моря, и скрытъ отъ него горами. На берегу по лѣвую сторону отъ моря, на высокой горѣ, видны остатки греческой постройки, какого-то замка, и отъ него идущей внизъ стѣны, вѣроятно составлявшей его ограду. Въ этомъ поднебесномъ таинственномъ замкѣ, какъ говоритъ преданіе, проводила послѣдніе дни своей жизни, какая-то красавица греческая царевна.

Это пылкой и страстной женщинѣ не посчастливилось въ любви, къ какому-то избранному любимому сердцу; вскипя негодованіемъ къ презренному міру, не умѣвшему оцѣнить ея святое чувство, она возненавидѣла свѣтъ, и выбрала для жилья, подальше отъ людей, высокую скалу, гдѣ и построила себѣ уединенный замокъ. Однако, и съ высокаго жилища, она все-таки наблюдала за плывущими вдали кораблями мечтая о своемъ возлюбленномъ. Она надѣялась его увидѣть на летящемъ кораблѣ, съ повинной головою и распростертыми объятіями; царевна думала его тогда простить, забыть все, лелеить и любить его сильнѣе прежнаго. . . . . Увы! царевна не дождалась воображаемаго счастья .., Стоятъ теперь печально полуразвалившіяся стѣны, и кругомъ тишина; плещутся только синія волны, обливая брызгами безлюдные берега.

Пустота и въ самомъ городкѣ. Судакъ оживляется только въ сентябрѣ мѣсяцѣ съ приходомъ сюда пароходовъ Русскаго Общества съ покупателями виноградnаго сока. Въ остальное время, Судакъ по своему малому населенію и тишинѣ, болѣе похожъ на деревню.

За неимѣніемъ какой-бы то ни было гостинницы въ Судакѣ, мы остались ночевать на его почтовой станціи. Пассажировъ тамъ никого не встрѣтили. Да вѣроятно, рѣдко кто сюда

и заѣзжаетъ, такъ какъ станція упирается чуть не въ море; самъ-же Судакъ ничего не имѣетъ привлекательнаго. Одному изъ моихъ товарищей выпалъ счастливый жребій улечься на ночь на единственномъ въ залѣ диванѣ.—Мы ему позавидовали. Остальные примостились кое-какъ, кто на стульяхъ, кто на полу. Только что мы погасили свѣчу, какъ счастливецъ сердито началъ ворочаться на диванѣ, повидимому стараясь приноровиться къ нему по лучше, и наконецъ не вытерпѣлъ, и вскочилъ съ дивана.

„Это не на что не похоже!“ проговорилъ онъ шурша уже ногами по полу.

—„Что случилось?“

– „Да на этомъ глупомъ диванѣ, нѣтъ никакой возможности лежать.“

—„Отчего?“

—„Тутъ какое-то бревно лежитъ между пружинами, которое вѣроятно назначается для того, что-бы гнуть людей на подобіе коромысла. Это не диванъ, а скорѣе, какое-то орудіе пытки.“

—„Это *крымская постель!*“ съострилъ другой товарищъ, умостившійся на полу.

—„Хороша постель, нечего сказать!“ возразилъ вставшій съ дивана, и пошелъ ощупью къ столу отыскивать спички. На столѣ ихъ не оказалось.

— „У кого, господа, есть спички?“ снова заговорилъ онъ.

— „Свѣчу зажечь?“

— „Да —Вѣдь надо-же посмотрѣть, что тамъ за колода лежитъ.“

— „Легче будетъ?“ съ усмѣшкой спросилъ товарищъ, самъ тоже ворочаясь на полу съ боку-на-бокъ.

— „Разумѣется легче.—Я, можетъ быть, ее поправлю, или сдвину куда нибудь въ сторону.“

— „Да на полу лежать гораздо лучше, по крайнѣй мѣрѣ, гладко,“—опять замѣтилъ тотъ-же товарищъ, и при этомъ чиркнулъ спичкой.

Комната снова освѣтилась.

Оказалось, что пружинный диванъ съ виду округленный, имѣлъ посреди себя деревянную планку, раздѣлявшую его какъ-разъ пополамъ; и такъ какъ, отъ времени ослабѣвшія пружины, при малѣйшемъ давленіи прижимались, съ обѣихъ сторонъ планки до самаго дна, то эта планка, выдававшаяся выше пружинъ, упиралась лежащему прямо въ спину или бокъ. Лежать, перегнувшись на ней, не было никакой возможности, поправить тоже; и нашъ счастливецъ долженъ былъ перейти на полъ.—Но на полу, мы тоже не долго пролежали; съ каждой минутой извѣстныя насѣкомыя все болѣе и болѣе

начинали насъ одолѣвать, пока мы наконецъ совсѣмъ не потеряли всякую надежду на отдохновеніе.

—„Давайте, господа, лучше курить,“ сказалъ одинъ изъ нашихъ мучениковъ.

—„А спать когда-же мы будемъ?“ спросилъ другой.

—„Спать?..... а вотъ мы пріѣдемъ завтра въ Кизильташъ, тамъ вдоволь выспимся.“

Переночевавъ, или лучше сказать промучившись всю ночь на станціи, мы отправились утромъ отыскивать фруктовый садъ Османа, о которомъ говорилъ намъ эльбузлинскій смотритель.

Намъ не пришлось его долго искать; садъ былъ вблизи станціи. Вошедши въ садъ, и сдѣлавъ нѣсколько шаговъ отъ садовой калитки, мы направились къ чистенькому татарскому домику. Въ просторной комнатѣ, съ прибитымъ на стѣнѣ ковромъ, на турецкомъ полосатомъ диванѣ, поджавши подъ себя ноги, сидѣлъ высокій, худощавый старикъ съ большою сѣдою бородою, въ курткѣ, и съ черною барашковою шапкой на головѣ. Старикъ курилъ флегматически свой кальянъ (наргилэ), который стоялъ тутъ-же на полу обвитый излишними кольцами гуттаперчиваго рукава или чубука. —Глаза старика свѣтились неподвижно, точно стеклянные. Вода тихо клокотала въ кальянѣ. Это былъ

самъ Османъ. Одинъ изъ моихъ товарищей, знавшій нѣсколько татарскихъ словъ, сказалъ ему привѣтствіе. Старикъ медленно приподнялся съ дивана, отложилъ въ сторону длинный рукавъ кальяна, и съ большимъ достоинствомъ сталъ отвѣчать на привѣтствіе, прикладывая при этомъ рукою, то къ своему правому глазу, то къ груди Такіе знаки вниманія составляютъ вообще у восточныхъ народовъ, родъ утонченной вѣжливости,—Кое-какъ ему объяснилъ товарищъ, что мы желали-бы осмотрѣть его садъ. Старикъ улыбаясь, слегка кланялся, и показывалъ рукою на садъ; при этомъ онъ что-то говорилъ добродушно по своему. Но и безъ словъ было понятно, что онъ радуется за наше желаніе. Османъ подошелъ къ двери, и также вѣжливо пропустилъ насъ впередъ. Только что мы вышли на крылечко, какъ мимо насъ пробѣжали двѣ невысокаго роста фигуры, закутанныя съ головы до ногъ большими бѣлыми покрывалами, точно два мѣшка, и скрылись за домомъ. Это были двѣ женщины; дочери или можетъ быть жены Османа. Онѣ гуляя по саду, узнали о приходѣ незнакомыхъ мужскихъ лицъ, и торопились скорѣе спрятаться отъ насъ въ первый попавшійся закаулокъ. Прежде всего, что намъ бросилось въ глаза, вошедши въ садъ,—это яблони. На нихъ положительно было больше ило-

довъ, нежели листьевъ. Вѣтви ихъ отъ тяжести яблокъ, опускались до земли, и подпирались подставками, а сами румяные райскіе плоды, такъ и рдѣли на солнцѣ. Такъ-же рясно были усѣяны и другія деревья, грушами и красными крупными сливами. — Мы обошли весь садъ, и на каждомъ шагу встрѣчали обремененныя плодами деревья. Я уже раньше говорилъ о богатствѣ и разнообразіи различныхъ сортовъ фруктъ въ Крыму. Садъ занимаетъ двѣ десятины, и содержится чисто. Въ немъ по всѣмъ направленіямъ, проведены правильныя, усыпанныя пескомъ дорожки. Здѣсь есть и родникъ, водой котораго по временамъ орошается весь садъ. Вообще, садъ содержится въ большомъ порядкѣ. Пока мы осматривали его, Османъ успѣлъ уже сорвать для насъ нѣсколько яблокъ, и двѣ необыкновенно крупныя груши; подавая намъ на растопыренной ладони эти двѣ груши, онъ нѣсколько разъ назвалъ ихъ „*бузуганъ; бузуганъ*“..... Другою ладонью, онъ придерживалъ яблоки, прижавши ихъ къ груди. Когда мой товарищъ попробовалъ-было откусить кусочекъ *бузугана*, то отъ хлынувшаго изъ него неожиданно въ изобиліи ароматическаго сока, чуть не захлебнулся. Османъ стоялъ возлѣ насъ, и самодовольно улыбался, при чемъ сѣдая борода его раздвигалась въ сторо-

ны, а ротъ показывалъ красивые какъ, перломутръ зубы.

Какъ груши, яблоки, такъ и сливы здѣсь необыкновенно вкусны и сочны. Мы разными знаками, какъ только могли, объяснили Осману, что-бы онъ намъ побольше нарвалъ этихъ *бузуриановъ*, и что мы за нихъ заплатимъ. Османъ въ отвѣтъ намъ слегка кланялся, и подавъ намъ оставшіеся у него яблоки, выпрямился и пошелъ гордо своими мѣрными, широкими шагами въ глубину сада, точно Адамъ. Идя по дорожкѣ, онъ хваталъ съ деревьевъ плоды, дѣлая рукою такіе жесты, какъ будто-бы ловилъ мухъ. Посидѣвъ нѣсколько времени на скамейкѣ, и полюбовавшись на этотъ маленькій рай, мы направились опять къ знакомому домику, куда вскорѣ прибылъ и Османъ. Онъ принесъ въ платкѣ сливъ, грушъ и яблокъ, которые и выкатилъ тутъ-же бережно на столъ, придерживая ихъ рукою. Одинъ изъ нашихъ товарищей жившій нѣсколько лѣтъ въ Крыму, желая намъ сдѣлать сюрпризъ, попросилъ Османа приготовить для насъ татарскій супъ. Тотъ любезно согласился. Время шло къ полудню, и кушанье пожалуй было кстати. Никогда я не забуду этотъ супъ. Поданный намъ супъ былъ сѣраго мутнаго цвѣта, и приготовленъ на бараньемъ салѣ. Какъ мы ни были голодны, однако болѣе

двухъ ложекъ, никто изъ насъ не могъ его проглотить. Жирный вкусъ, и запахъ бараньяго сала, отталкивалъ отъ себя. Хотя намъ и неловко было передъ хозяиномъ, но волей неволей намъ пришлось отставить этотъ супъ въ сторону. По лицу Османа замѣтно было, что онъ говорилъ про себя: „я зналъ напередъ, что они не станутъ ѣсть нашъ супъ.“ Испытавъ вкусъ національнаго татарскаго кушанья, мы расплатились за все, поблагодарили Османа за его любезность, разложили по всѣмъ карманамъ у себя фрукты, и вышли изъ сада. Османъ довелъ насъ до калитки, и прощаясь съ нами слегка кивалъ головою, не снимая разумѣется по азіятскому обычаю своей шапки. Черезъ нѣсколько минутъ, я обернулся назадъ, что-бы взглянуть еще разъ на Османа, но его уже не было около калитки.

Такъ какъ я упомянулъ сейчасъ вскользь о кальянѣ, то кстати не лишнимъ будетъ здѣсь сказать, что процессъ куренія его, нѣсколько различествуетъ отъ куренія папиросъ и трубки. Дымъ кальяна пропускается первоначально чрезъ воду, въ которой онъ оставляетъ большое количество своей горечи, а также и табачной крѣпости; потомъ тотъ-же дымъ проходитъ еще черезъ чубукъ или гуттаперчевую трубку длиною въ $1^1/_2$, 2 сажени и болѣе. Въ длинномъ чубукѣ тоже не

мало остается вредныхъ веществъ. Такимъ образомъ, кальянный дымъ, прошедши такой длинный путь, становится мягкимъ, пріятнымъ и нѣсколько прохладнымъ. Курящій приложивъ чубукъ къ губамъ, сильно но медленно втягиваетъ въ себя этотъ дымъ, до тѣхъ поръ, пока ему нужно перевести дыханіе; тогда онъ отнимаетъ отъ губъ трубку, и начинаетъ также медленно выпускать его, дыша нѣсколько минутъ дымомъ. Хотя кальянный дымъ и очищенъ, но имъ затягиваются не болѣе трехъ или четырехъ разъ, и затѣмъ куреніе оканчивается; къ тому-же и раскаленный уголекъ, лежащій на табакѣ, скоро погасаетъ.

Послѣ такихъ аппетитныхъ затяжекъ, курящій долго остается въ пріятно-опьяненномъ состояніи; къ нему въ это время толпой являются и мечты и воображеніе. Въ этомъ и состоитъ вся прелесть азіятскаго кэйфа. Процессъ куренія всегда совершается въ спокойномъ состояніи, и производится необыкновенно серьезно, какъ будто-бы дѣлается какое нибудь очень важное дѣло. По словамъ одного татарина, служащаго въ ѳеодосійской кофейнѣ, кальянъ имѣетъ цѣлебное свойство; предупреждаетъ, а иногда и врачуетъ нѣкоторыя внутреннія болѣзни. Когда хотятъ извлечь изъ кальяна лечебное свойство, то курятъ его натощакъ.

IV.

Отъ Судака до Кизильташа. Татаринъ съ однимъ воломъ. Мѣсто умерщвленія игумена Парѳенія.

Проѣзжая по почтовой дорогѣ изъ Ѳеодосіи въ Судакъ, мы оставили въ сторонѣ Кизильташъ; но такъ какъ, цѣль нашей поѣздки, собственно былъ этотъ монастырь, то обратно изъ Судака, мы выбрали другой путь, который уже по проселочной дорогѣ, повелъ насъ въ Кизильташъ.

Нанявъ вышеописанный фургонъ, и сопровождаемые съ одной стороны садами, а съ другой разнообразными горами, мы проѣхали около 2-хъ верстъ по знакомой уже намъ дорогѣ. На 3-й верстѣ, открывшаяся прелестная долина раздѣлила нашу дорогу, на двѣ вѣтви; лѣвая вѣтвь вела къ проѣхавшей нами станціи Эльбузла, а правая, составляющая проселочный путь, въ монастырь Кизильташъ. Посреди долины протекалъ журчащій и искрящійся на солнцѣ, ручеекъ, который выходилъ изъ подъ горы, и не пересѣкая нашей дороги, скрывался опять подъ землею. Въ это время, на встрѣчу намъ тихо подвигалась татарская длинная телега, точно такая-же, въ какой ѣхали татарки изъ Таракта-

ша. Въ телегу былъ запряженъ по одну сторону ярма волъ, а по другую, держась за древко ярма, шелъ старый татаринъ, и аккомпанировалъ четвероногому товарищу, помагая ему везти телегу. Нашъ возница знавшій порядочно татарскій языкъ, обратился къ старику съ вопросомъ:

—„А гдѣ, другой волъ?“

Старикъ сперва посмотрѣлъ на насъ молча, а потомъ указалъ на горы, и махнувъ рукой, побрѣлъ дальше. Исполненіе взятаго имъ на себя труда, было такое серьезное и спокойное, какъ будто-бы ему случалось это дѣлать, не въ первый разъ. Оставить ношу ему было невозможно, такъ какъ конецъ ярма долженъ былъ волочиться по землѣ, и затруднять ходъ телеги. Картина была преуморительная. Дѣло въ томъ, что старикъ татаринъ отдыхая гдѣ-то въ горахъ, пустилъ своихъ воловъ попастись; волы-же пользуясь просторомъ, разошлись по разнымъ сторонамъ густаго лѣса и горныхъ извилинъ, и одинъ изъ нихъ зашелъ вѣроятно слишкомъ далеко. Скотъ здѣсь привыкъ ходить по горамъ, и взбирается иногда очень высоко по довольно крутымъ тропинкамъ. Волы и буйволы бываютъ всегда подкованы, что облегчаетъ имъ взбираться на какія угодно крутизны. Татаринъ бродя по лѣсу и ища вола, могъ потерять изъ виду и телегу;

а потому, что-бы не подвергнуться двойному ущербу, старикъ счелъ за лучшее впречься вмѣстѣ съ оставшимся воломъ. Такъ намъ пояснилъ нашъ спутникъ, правившій лошадьми.

До Кизильташа оставалось еще 13 верстъ. Дорога отъ описанной долины, шла все въ гору, на протяженіи 8 верстъ. На 9-й верстѣ, мы начали спускаться внизъ зигзагами по крутому спуску; все время насъ сопровождалъ узкій прохладный тоннель, обставленный густыми деревьями. Видя такую узкую дорогу, мы невольно задавали себѣ вопросъ, какимъ образомъ, разъѣзжаются въ этомъ длинномъ тоннелѣ, встрѣтившіяся телеги? Но однако ни мы, ни нашъ спутникъ, не могли дать себѣ опредѣленнаго отвѣта.—Малороссъ —возница только сказалъ намъ, что ему не приходилось видѣть такой комедіи.—А комедія должна быть очень интересная.—Еще на 7-й верстѣ, обернувшись къ намъ, возница указалъ кнутовищемъ, на стоящій въ сторонѣ крестъ, и сказалъ намъ:

—„На этомъ самомъ мѣстѣ, татары убили игумена Кизильташскаго монастыря, и въ память его,монахи поставили крестъ.“

На простомъ и убогомъ деревянномъ крестѣ, надпись гласила такъ:

Игуменъ отецъ Парѳеній убитъ
и сожженъ татарами 22 августа 1866 года·

Далѣе я разскажу объ этомъ труженникѣ печальную повѣсть, а теперь пока займусь описаніемъ самаго монастыря. Съ 9-й версты какъ я уже сказалъ, мы стали спускаться съ горы, и черезъ часъ увидѣли давно желанный монастырь.

V.

Кизильташъ и его святыня. Преданіе о колодцѣ. Св. Стефанъ Сурожскій. Монастырскія празднества. Остатки древности.

Въ 32-хъ верстахъ отъ Ѳеодосіи, и въ 15 отъ Судака, на одной изъ громоздящихся скалъ, окруженный лѣсистыми горами, взирающій внизъ на прелестнѣйшую полянку, находится Богомъ спасаемый уголокъ называемый Кизильташъ. По татарски *кизиль*, значитъ *красный*, а *ташъ*—камень; такъ названа туземцами эта мѣстность отъ краснаго цвѣта скалы, висящей надъ самымъ монастыремъ. Эта скала, въ нѣсколькихъ мѣстахъ уже надтреснувшаяся, кажется совсѣмъ готова свалиться, и своимъ неожиданнымъ паденіемъ, могла-бы въ одно мгнове-

ніе, стереть съ лица земли, всѣ труды человѣка. Но вѣра двигаетъ горами. Всѣ, живущіе въ монастырѣ, нисколько не боятся, могущаго быть произшествія, надѣясь на Всевышняго Творца, Который незримою рукою, непремѣнно отведетъ всякое несчастіе отъ указаннаго Имъ Самимъ святаго уголка. Въ верхней части скалы находится огромная, сама собою образовавшаяся пещера; пещера эта имѣетъ 7 аршинъ длины и 5 аршинъ ширины. Въ правомъ углу ея находится не глубокій протечный колодезь. Вода, поднявшаяся на такую высоту, не мало удивляетъ зрителя. Чтобы образоваться колодезю на скалѣ, возвышающейся на нѣсколько тысячъ футовъ надъ поверхностью моря, надо предполагать по закону гидростатики, что вода, поднимающаяся на такую гору, должна первоначально падать съ такой же или даже еще съ большей высоты; однако горы, окружающія эту скалу, стоятъ гораздо ниже ее надъ уровнемъ моря, а слѣдовательно, ручей беретъ свое начало изъ очень отдаленнаго мѣста.

Колодезь этотъ, еще издревле, служилъ предметомъ вѣрованія, для живущихъ христіанъ въ Крыму.—Въ настоящее время, стараніями монастыря, сдѣлана красивая выкрашенная бѣлою краскою деревянная стѣна, которая заслоняетъ открытую часть пещеры, и имѣетъ посреди

себя—дверь. Внутри пещеры, постоянно теплится лампада передъ явленнымъ образомъ Успенія, стоящемъ на столѣ. Тутъ жена ходится мѣдная тарелка для сбора пожертвованій на монастырь. По преданіямъ, оставшимся въ Крыму, ходятъ повѣрья, что многіе даже изъ татаръ, получали изцѣленія отъ этого источника. Такъ разсказываютъ, что одинъ пастухъ татаринъ придя однажды въ эту пещеру, и увидѣвъ лежащія деньги, принесенныя сюда доброхотными дателями, соблазнился и спряталъ ихъ въ карманъ; въ тотъ-же моментъ, онъ будто-бы ослѣпъ. Испугавшись такого приключившагося обстоятельства, пастухъ тотчасъ-же положилъ обратно похищенныя имъ деньги, ощупью добрался къ колодезю, и водой его началъ промывать себѣ глаза; въ моментъ промыванія, онъ, говорятъ, будто-бы прозрѣлъ.

Разсказываютъ еще, что какая-то цыганка, одержимая какимъ-то неизлечимымъ недугомъ, по совѣту нѣкоторыхъ, побывала въ этой пещерѣ, и умывшись колодезною водою, тоже изцѣлилась. Въ благодарность за свое изцѣленіе, она дала обѣтъ Богу, прожить близъ этой скалы, всю свою жизнь. Цыганка, говорятъ, сдержаласвое обѣщаніе, и прожила здѣсь 10 лѣтъ, вплоть до открытія мужскаго монастыря, при которомъ, она уже не могла долѣе оставаться, и должна была по необходимости удалиться въ какую-то женскую обитель.

Красота мѣстности, отдаленность отъ жилья, и близость дорогого источника, привлекла сюда въ VIII вѣкѣ, какъ говоритъ преданіе, нѣкоего пустынника по имени Стефана, который впослѣдствіи игралъ большую роль въ дѣлахъ религіи. Неизвѣстно, подъ конецъ ли своей жизни, онъ былъ здѣсь пустынникомъ, или же передъ началомъ своей карьеры? Стефанъ Сурожскій или Сугдайскій, впослѣдствіи причисленный къ лику святыхъ, былъ въ древнемъ Сурожѣ архіепископомъ, и имѣлъ большое вліяніе на жителей не одного только Сурожа, но и на отдаленныя страны.—При вступленіи своемъ въ санъ архіепископа, Стефанъ засталъ жителей Сурожа язычниками, и ему предстояло не мало трудовъ для введенія между ними христіанства.—Энергія, знаніе дѣла и кроткое обращеніе съ народомъ, вскорѣ однако увѣнчали его труды. Весь густо-населенный городъ былъ обращенъ въ христіанство въ продолженіи 5-ти лѣтъ.

Во время завѣдыванія имъ сурожскою епархіею, въ христіанскомъ мірѣ появилась ересь иконоборцевъ; а такъ какъ Стефанъ принадлежалъ къ восточной каѳолической церкви, допускающей почитаніе иконъ, то что-бы не нарушить неизмѣнность разъ принятыхъ церковью обычаевъ, которые составляютъ ея историческое значеніе, онъ возсталъ противъ секты иконоборцевъ,

и успѣлъ ее во время остановить въ Сурожѣ. Отличившись на поприщѣ ревностнаго защитника восточной церкви, Стефанъ не могъ ни быть приглашеннымъ присутствовать на открывшемся въ Никеѣ въ 787 г. седьмомъ вселенскомъ соборѣ, состоявшемся противъ секты иконоборцевъ. Въ числѣ подписавшихся іерарховъ на этомъ соборѣ, была подпись и Стефана Сугдайскаго или Сурожскаго.

Въ числѣ иконоборцевъ были люди довольно вліятельные, которые ожесточились противъ главнаго своего врага архіепископа Стефана, и пріискивали всевозможныя средства для удаленія его съ мѣста. Разными ложными путями, партіи иконоборцевъ удалось наконецъ отправить его въ Константинополь и заключить тамъ въ темницу. По смерти Императора Льва Исаврянина, по просьбѣ царицы, супруги Константина Копронима, слышавшей о невинно-заключенномъ архіепископѣ,—Стефанъ былъ выпущенъ на волю.—Но впослѣдствіи, онъ однако не избѣгнулъ участи великихъ въ то время людей, и умеръ мученикомъ за отстаиваемое имъ дѣло.

Оставимъ на время архіепископа сурожскаго, и обратимся къ Кизильташу, который имѣлъ когда-то связь съ сурожскою епархіею.

Замѣчательно, что за сотни лѣтъ до открытія настоящаго монастыря, христіанскіе на-

роды, населяющіе Крымъ, приходили въ Кизильташъ на богомолье два раза въ годъ: 9-го мая въ день св. Николая и 15-го августа въ день Успенія.—Обычай этотъ сохранился по сіе время, и составляетъ большія празднества. Между тѣмъ, какъ нынѣшній монастырь Кизильташъ основанъ во имя св. Стефана Сурожскаго, который празднуется православною церковью 15 декабря. Это обстоятельство заставляетъ предполагать, что въ древности на этомъ самомъ мѣстѣ были два греческихъ храма, во имя Успенія и во имя св. Николая, или же одинъ храмъ съ двумя таковыми престолами, и въ означенные праздники собирались мѣстные христіане для богомолья. Дѣйствительно, во время постройки настоящаго монастыря, найдена около ручья, мраморная человѣческая голова, которая при сличеніи съ разными образами, напоминаетъ обликъ апостола Іакова. Вѣроятно, эта голова была отъ одной изъ украшающихъ фигуръ въ вышеупомянутыхъ храмахъ.

Голова сдѣлана изъ свѣтло-коричневаго мрамора, и тщательно отшлифована; съ одной стороны, она немного отбита, и сохраняется теперь въ ѳеодосійскомъ музеумѣ.

Есть еще и донынѣ какая-то каменная кладка въ землѣ, у подошвы горы, тоже подтверждающая, что здѣсь былъ или монастырь или же просто церковь.—Отъ основанія этой

церкви, или можетъ быть монастыря, прошло болѣе тысячи лѣтъ; земля переходила во владѣніе, то къ генуэзцамъ, то къ татарамъ, и наконецъ къ русскимъ. И такъ какъ, каждый изъ этихъ народовъ клалъ клеймо какого нибудь разрушенія при завоеваніи, то не мудрено, что отъ церкви не осталось на поверхности никакихъ признаковъ какой бы то ни было постройки. Камень отъ развалившейся церкви, былъ разнесенъ окрестными жителями, и вѣроятно татарами, на разныя свои надобности, благо онъ былъ уже обтесанъ, и слѣдовательно, съ меньшею потерею времени и труда, могъ быть употребленъ въ дѣло.—Но что на этомъ мѣстѣ была церковь, это ясно видно изъ двухъ упомянутыхъ праздниковъ, сохранившихся по наше время.

Если св. Стефанъ былъ когда либо пустынникомъ въ нынѣшнемъ Кизильташѣ, то можно также предполагать, что до вступленія его сюда, здѣсь была пустошь, и что начало бывшему храму или монастырю, положилъ никто другой, какъ св. Стефанъ; и разумѣется монастырь этотъ принадлежалъ въ то время къ сурожской епархіи, и находился подъ высокимъ управленіемъ св. Стефана архіепископа сурожскаго.

VI.

Основаніе Кизильташскаго монастыря. Живописный его видъ. Двѣ малороссіянки. Постройки монастыря.

Покойный преосвященный Иннокентій архіепископъ херсонскій и таврическій вступивъ въ завѣдываніе вверенной ему епархіи, какъ любознательный человѣкъ и любитель древностей, не могъ ни обратить вниманіе на цѣлебный источникъ, находящійся на кизильташской скалѣ, къ которому стекаются ежегодно тысячи людей съ незапамятныхъ временъ. Притомъ, красота природы и историческія догадки, о бывшемъ здѣсь когда-то монастырѣ, привели его къ необходимости, во что бы то ни стало, возобновить въ людской памяти слѣды дорогого прошедшаго, — построеніемъ мужскаго монастыря, который могъ бы служить, какъ бы продолженіемъ разрушеннаго древняго храма.

Нынѣшній монастырь основанъ во имя св. Стефана Сурожскаго, трудившагося когда-то въ этой мѣстности, и пожертвовавшаго за нее своею жизніею.

Мѣстность Кизильташа до 1854 года принадлежала г. N....., у котораго преосвящен-

ный Иннокентій купилъ ее за семь тысячъ рублей; но такъ какъ, монашествующее лицо не имѣло право пріобрѣтать посредствомъ купли недвижимую собственность, если эта собственность не находилась въ прямой связи съ какой либо епархіальною надобностью, то преосвященный по этому поводу вошелъ въ сдѣлку съ г. N.N . . . . ., который уже отъ своего имени подарилъ Кизильташъ въ потомственное владѣніе подъ монастырь. Такимъ образомъ, стараніями бывшаго архіепископа Иннокентія, обитель была открыта въ 1856 году, и существуетъ 27 лѣтъ.

Пространство монастырскаго владѣнія заключаетъ въ себѣ 173 десятины по прямой линіи, не считая скаты горъ, а съ ними до 250 десятинъ. Монастырь Кизильташъ представляетъ площадь, называемую здѣсь полянкою, которая окружена высокими горами; изъ нихъ двѣ горы имѣютъ видъ остроконечныхъ обнаженныхъ скалъ, съ поставленными на нихъ деревянными крестами для украшенія, и вмѣстѣ съ тѣмъ для обозначенія издали ѣдущимъ, присутствія святой обители. На покатой срединѣ скалы, обращенной на полянку, и имѣющей болѣе красивый видъ, пониже пещеры, помѣщаются разныя строенія. Въ верхней части горы, стоитъ деревянный шестиоконный домъ, заключавшій

еще недавно въ себѣ, на одной половинѣ церковь въ пять оконъ съ надстроеннымъ куполомъ, а на другой—келью самаго игумена. Церковь эта теперь уже упразднена, и рядомъ съ нею на расчищенномъ монахами мѣстѣ около обрыва, выстроена новая небольшая каменная церковь.

Пройдя церковную площадку, имѣющую съ боку себя небольшую деревянную колокольню, вы начинаете спускаться по деревянной лѣстничкѣ, проложенной внизъ по широкимъ 5 аршиннымъ земляннымъ ступенямъ, окаймленнымъ каменнымъ ободкомъ, и такимъ же основаніемъ при переходѣ на слѣдующія. Остановившись на первой ступени, вы окончательно очаровываетесь развернувшейся передъ вами восхитительной картиной. Васъ обступаютъ горы—великаны, не затянутыя уже синею вуалью, какъ онѣ казались издали,—а окутанныя съ головы до ногъ своею смѣющеюся зеленью. Благотворные лучи заходящаго солнца отражаясь въ ихъ свѣжей лоснящейся листвѣ, искрятся какъ изумруды, переливаясь съ одной полосы на другую, при малѣйшемъ дуновеніи вѣтерка. Тонко-прозрачное голубое небо, съ кое-гдѣ разсыпавшимися по немъ курчавыми снѣжно серебристыми тучками,—служитъ этимъ великанамъ нѣжнымъ покровомъ, которымъ оно боится прикоснуться, чтобы не нарушить ихъ

природную неподдѣльную грацію; распростершись надъ своими любимцами, голубой покровъ, кажется, будто тихо колышется надъ ними, освѣжая ихъ тончайшимъ зефиромъ Съ боку васъ, выглядываетъ изъ-за зелени, скала темно-коричневаго цвѣта, точно голова гиганта—араба, освѣщенная краснымъ заревомъ. Внизу, въ отдаленіи, виднѣется развернувшаяся полянка, съ разбросанными скирдами сѣна, которыя всѣ вмѣстѣ, кажутся гладенькими, какъ желтый атласъ; на полянкѣ копошатся люди съ граблями въ рукахъ, и привольно разгуливаетъ пестрый баованный скотъ. Само-же солнце, точно глазъ невидимаго существа, дальнозорко обозрѣваетъ все окружающее, какъ бы провѣряя его законныя дѣйствія. Привольно постоять на такой высотѣ съ подобной обстановкой. Глаза жадно впиваются въ окружающіе предметы, и грудь не надышется свѣжимъ и благоухающимъ эфиромъ, щедро разлитымъ въ воздухѣ. Невольно воскликнешь съ поэтомъ:

Когда-бъ не смутное влеченье
Чего-то жаждущей души,
Я здѣсь остался-бъ, наслажденье
Вкушать въ невѣдомой тиши,
Забылъ-бы всѣхъ желаній трепетъ,
Мечтою-бъ цѣлый міръ назвалъ....

Мы долго простояли, какъ прикованные,

къ мѣсту, не имѣя воли оторваться отъ всеобъемлемой и обоятельно-притягательной силы природы, забывъ любуясь ею, всѣ невзгоды и случайности міра сего.

Въ Кизильташѣ нѣтъ, ни гигантскихъ кактусовъ, ни пестрыхъ попугаевъ, ползующихъ по деревьямъ, но за то, въ простой безъискуственной природѣ съ ея нагорною зеленью и чистѣйшимъ воздухомъ, скрывается много спокойной, задушевной поэзіи, которая чувствуется каждымъ заѣзжимъ сюда человѣкомъ.

Пройдя пять большихъ ступеней, налѣво отъ насъ, показался изъ-за деревьевъ, верхній монастырскій дворъ. Дворъ состоитъ изъ длиннаго деревяннаго помѣстительнаго дома, нѣсколькихъ сараевъ, амбаровъ и довольно просторной кухни.

Въ прежнюю нашу поѣздку въ Крымъ, мы встрѣтили въ этой кухнѣ двухъ молоденькихъ дѣвушекъ съ круглыми, томными, мечтательными глазами, одѣтыхъ въ малороссійскій костюмъ съ голубыми намистами на шеѣ. Присутствіе этихъ дѣвушекъ-малороссіянокъ въ мужскомъ монастырѣ, насъ ни мало удивило. Подойдя къ окну, я завелъ съ ними, по этому поводу, небольшой разговоръ. Онѣ говорили довольно чисто по русски. На мой вопросъ:

—„Какъ это вы проживаете въ мужскомъ

монастырѣ? Вы, вѣроятно, странницы, и пришли сюда на поклоненіе?“

—„Нѣтъ.“ Возразили улыбаясь обѣ дѣвушки похожія одна на другую. Онѣ, какъ я узналъ послѣ, были родныя сестры.

—„Давно вы здѣсь живете?“

—„Вотъ уже два мѣсяца“.

—„Какъ же это такъ?“

—„Мы увольнились“, сказала старшая изъ нихъ, “изъ своего города, что бы поступить въ чернички. Вотъ тутъ недалеко въ Крыму открывается женскій монастырь святой Параскевы, около деревни, какъ бишь ее... забыла названіе.“...

—„Туплу?“

—„Да, да . . . . . Мы пришли въ монастырь, а насъ тамъ не принимаютъ, говорятъ, что не приготовили еще для сестеръ настоящаго помѣщенія, и велѣли приходить туда черезъ недѣлю. Куда намъ было дѣваться,—мы тутъ въ Крыму никого не знаемъ, подумали, подумали да и пошли въ Кизильташъ, просить батюшку, что бы онъ намъ позволилъ прожить пока здѣсь въ монастырѣ; онъ позволилъ, и за это велѣлъ намъ стряпать на кухнѣ для братіи.

—„Вы говорите, вамъ отсрочили на недѣлю, а вѣдь вы живете здѣсь уже два мѣсяца?“

—„Батюшка говоритъ, что когда монастырь будетъ готовъ, то онъ скажетъ намъ, мы и ждемъ.„

—„Что-жъ, монашествующая братія, довольна вашимъ приготовленіемъ?“

Сестры покраснѣвъ переглянулись, и старшая изъ нихъ отвѣчала:

—„Какое здѣсь приготовленіе! .... извѣстно, самое простое..... борщъ, каша.... братія харчится чѣмъ Богъ послалъ. Вѣдь нашъ монастырь бѣдный.“

—„Что вамъ за охота, такъ рано поступать въ монастырь, вы обѣ такъ молоды, вамъ еще много надо жить?“

—„Что жить!.... какая въ мірѣ жизнь..... одинъ только грѣхъ, и больше ничего,“ сказала младшая сестра, и при этомъ вздохнула и покачала головою; потомъ прибавила: „чѣмъ раньше человѣкъ оставляетъ міръ, тѣмъ лучше для спасенія его души.“.....

Эти слова она произнесла спокойно и съ глубокою серьезностью во взглядѣ. Возражать на нихъ было трудно. Затѣмъ, обѣ дѣвушки обернулись къ печкѣ, и начали что-то ворочать руками. Я отошелъ отъ окна.

Отъ монастырскаго двора, шла внизъ проѣзжая дорога, и по бокамъ ея, въ разныхъ направленіяхъ показывались тропинки, ведущія подъ сѣнью древесныхъ вѣтвей, на нижнюю площадку, гдѣ находилась гостинница для пріѣзжающихъ. Около гостинницы, содержащейся съ виду

очень чисто, помѣщались нѣсколько сараевъ назначенныхъ для экипажей и стоянки лошадей. Гостинница представляетъ деревянный домъ, довольно красиво раскрашенный, сверхъ котораго пристроенъ мезонинъ съ балконами на обѣ противуположныя стороны, для желающихъ на свѣжемъ воздухѣ напиться чаю, и полюбоваться природою. Отъ церкви, вдоль по скату горы, разбросано нѣсколько однооконныхъ домиковъ, которые служатъ кельями для монаховъ. Вотъ и все недвижимое имущество Кизильташскаго монастыря. Есть, правда еще небольшая двухъэтажная бесѣдка построенная въ китайскомъ вкусѣ, помѣщающаяся близъ полянки. Бесѣдка эта поставлена діаметрально-противуположно той скалѣ, на которой лѣпится монастырь съ своими постройками, такъ что она можетъ служить прекраснымъ пунктомъ для снятія фотографіи со всего монастыря.

VII.

Игуменъ о. Парѳеній. Словоохотливый послушникъ. Дьяконъ на исправленіи. Дѣятельность монаховъ. Убійство игумена. Убійцы. Могила о. Парѳенія.

Первымъ игуменомъ въ нынѣшнемъ Кизильташѣ былъ о. Арсеній переведенный сюда въ 1856 году изъ Георгіевскаго монастыря, находящагося близъ Севастополя. О. Арсеній пробылъ здѣсь всего два года, и успѣлъ только выстроить церковь и нѣсколько келій; но всѣ послѣдующіе труды принадлежатъ умному и энергичному о. Парѳенію, который послѣ Арсенія принялъ монастырское управленіе.

О. Парѳеній былъ худощавый человѣкъ, средняго роста, съ греческимъ типомъ лица; глаза его сверкали, какъ горящіе угольки, и выражали полную строгость къ самому себѣ и окружающимъ его. О. Парѳеній въ обращеніи былъ очень простъ, и не рѣдко, за-просто сѣвъ верхомъ на татарскую лошадь, въ монашеской рясѣ, скакалъ по 30-ти верстъ за покупкою провизіи, въ Ѳеодосію или Судакъ. Ѣздя самъ за провизіею, онъ, такимъ образомъ, не

отрывалъ монаховъ отъ различныхъ работъ, которыя умѣлъ имъ всегда находить. На работахъ, онъ всегда былъ одѣтъ въ одномъ подрясникѣ, такъ что, издали нельзя было его никакъ отличить отъ остальныхъ монаховъ, и самъ работалъ за всѣхъ. Пріѣзжіе гости всегда находили радушный пріемъ у веселаго игумена, а знающіе его коротко, — очень любили его. Этому человѣку, Кизильташъ обязанъ всѣмъ, что только онъ имѣетъ. Такъ какъ, о. Парѳеній не могъ видѣть лѣнтяевъ, сидящихъ сложа руки, то у него и присланный на покаяніе, упитанный и упоенный дьяконъ пріученный здѣсь къ работѣ, пилилъ теперь дрова, упершись крѣпко ногою въ подставку, давно снявшій отъ жары свой подрясникъ.

Не могу не сдѣлать маленькаго отступленія отъ текущаго описанія, не коснувшись личности, только что упомянутаго дьякона, пилившаго дрова на монастырскомъ дворѣ. Одѣтъ онъ былъ въ простой рабочій костюмъ: въ ситцевой сорочкѣ, шаравархъ опущенныхъ въ сапоги, и соломенной шляпѣ на головѣ. Только по одной косичкѣ, выглядывающей изъ-подъ шляпы, можно было догадываться, что онъ принадлежалъ къ духовному сану. Мы бы его можетъ быть и не замѣтили, если бы не представился нечаянный случай, подавшій намъ поводъ косвенно поз-

накомиться съ этою личностью. Ѣхавъ въ Кизильташъ, мы выронили по дорогѣ свой табакъ, и какъ всѣ, намъ подобные люди, привыкшіе къ этому зелью, мы скучали безъ него. Кругомъ была глушь, и купить его было негдѣ. Во время нашего раздумья, подошелъ къ намъ горбатенькій послушникъ въ подрясникѣ, живущій здѣсь съ основанія монастыря, и который между прочимъ, далъ намъ нѣкоторыя свѣдѣнія о Кизильташѣ

—„Не надо-ли вамъ чего нибудь, господа?“ спросилъ насъ послушникъ, „вы о чемъ-то размышляете? можетъ быть, велѣть вамъ самоварчикъ поставить?“

Я разсказалъ ему о потерѣ табака.

—„Вы желаете табаку!“..... сказалъ онъ, и хотѣлъ было уже торопливо куда-то идти, но я остановилъ его.

—„Куда вы, батюшка, идете?“

—„Къ дьякону.“ Онъ показалъ при этомъ рукою на монастырскій дворъ.

—„Къ какому дьякону?“

—„А вонъ что пилитъ дрова,“ и потомъ моргнувъ однимъ глазомъ, прибавилъ шопотомъ: „у него есть табакъ; я вамъ сейчасъ принесу.“

Мы не рады были, что заговорили о табакѣ, и старались замять разговоръ о немъ.

—„Развѣ онъ дьяконъ?“

—„Да какъ вамъ сказать,“ промолвилъ онъ уже громко, добродушно улыбаясь, „онъ былъ прежде дьякономъ, гдѣ-то около Херсона, да говорятъ, будто-бы онъ тамъ сильно выпивалъ, и къ тому же, непокойный былъ человѣкъ; часто буянилъ въ городѣ,—за это начальство и прислало его къ намъ въ монастырь на два года на исправленіе. Онъ у насъ тутъ за дьячка.„

—„Что же, скоро ему окончится срокъ?“

—„Два года уже прошло, а вотъ до сихъ поръ нѣтъ о немъ никакого распоряженія изъ епархіи. Не пей онъ, былъ бы человѣкъ смирный и смышленый. Да вѣдь водка, хоть кого такъ собьетъ съ толку. А вотъ табакъ таки не бросаетъ, тихомолкомъ куритъ; да въ этомъ, впрочемъ, нѣтъ большаго грѣха.“

—„Не скучаетъ же онъ въ монастырѣ?“ полюбопытствовали мы узнать.

—„У насъ за работой некогда скучать, мы, вѣдь, все сами на себя работаемъ, и онъ тоже не отстаетъ отъ насъ.“ И помолчавъ немного, промолвилъ: „подчасъ однако же онъ тоскуетъ; извѣстно, привыкъ къ городу, да къ тому же семейный человѣкъ.....Да еще по временамъ,“ прибавилъ послушникъ уже таинственно, „скучаетъ .... за питіемъ . . . Когда наступаетъ ему это время, такъ онъ ходитъ по монастырю самъ не свой. Лягу, говоритъ, спать, что бы зна-

читъ легче было, а во снѣ то еще пуще того сняться разныя пиршества да вакханаліи; всѣ, говоритъ, тамъ пьютъ да гуляютъ, а я, только смотрю на нихъ; а какъ начнутъ предлагать мнѣ тоже выпить, я, тутъ говоритъ, какъ нарочно и проснусь сейчасъ. Въ это время, „продолжалъ послушникъ,“ на него бываетъ просто жаль смотрѣть... ходитъ сумрачный, не спитъ, не ѣстъ ничего. А потомъ, какъ перегоритъ это у него все, онъ опять по прежнему дѣлается спокойнымъ и веселымъ. . . . .

—„Разсказываетъ же онъ что нибудь о своемъ житьѣ-бытьѣ около Херсона?“

—„Охъ, грѣхъ тяжкій! Онъ, такой балагуръ что не въ монастырѣ бы его слушать. Когда начнетъ, иногда, говорить о своей жизни, такъ мы только покатываемся отъ смѣха, да крестимся; истинно такъ! . . . Я сейчасъ принесу вамъ табаку“. . . . .

Мы поблагодарили его за предложеніе, а отъ табаку отказались.

—„Ну, самоварчикъ, не угодно-ли?“

Самоваръ былъ кстати, и мы воспользовались имъ. За чаемъ, словоохотливый послушникъ прикусывая сахаръ и дуя въ блюдечко, продолжалъ намъ разсказывать о дѣятельности кизильташскихъ иноковъ и бывшаго ихъ игумена о. Парѳенія.

Монахи здѣсь исполняли не однѣ только мѣстныя работы, къ числу коихъ принадлежитъ расчистка дороги на верхушку горы. Работу эту можно назвать чисто адскою, по трудному ея исполненію. Нѣтъ сомнѣнія, что возвышающаяся надъ монастыремъ гора, вулканическаго происхожденія, и образовалась во времена земныхъ переворотовъ. Она, по своему необыкновенно крѣпкому сплаву, трудно поддается ударяющемуся о нее желѣзу, разбрасывая искры и издавая при этомъ смолянистый запахъ. Хотя трудъ приложенный къ очисткѣ упомянутой дороги, далеко непроизводителенъ, но энергія человѣка, часто безотчетно стремится къ чему то неизвѣстному, ломая всѣ препятствія, встрѣчающіяся на пути, и тѣмъ самымъ льститъ силѣ и самолюбію человѣка, передъ которымъ, какъ бы нѣтъ ничего невозможнаго, чего бы онъ не могъ преодолѣть. Вотъ отчего въ послѣднее время при о. Парѳеніѣ, въ монастырѣ было всего только шесть монаховъ и одинъ послушникъ. Нѣсколько монаховъ, совсѣмъ разбѣжались, и вѣроятно, совѣтовали всѣмъ обходить Кизильташъ, если бы тѣ почувствовали желаніе посвятить себя монастырской жизни.

О. Парѳеній былъ хорошій механикъ и порядочный архитекторъ, и въ монастырѣ, какъ я уже сказалъ, былъ первымъ работникомъ.

Большія земляныя ступени около церкви, сдѣланы его собственными руками. До его вступленія въ Кизильташъ, на мѣстѣ нынѣшней полянки, было большое болото, которое посредствомъ дренажа имъ высушено, и представляетъ теперь прекрасное пастбище. Вода же отведенная въ нарочно вырытую наклонную канаву, сдѣлалась проточною, и служитъ также отличнымъ водопоемъ для скота. Всѣ постройки, рубка лѣса, и даже окраска домовъ, не обходилась безъ участія игумена, не говоря уже, о составленіи имъ самимъ плановъ и фасадовъ. Однимъ изъ выдающихся его исполненій, служитъ дорога, проложенная отъ Кизильташа до Судака, на разстояніи 15 верстъ. Недовольствуясь одною почтовою дорогою, которая была слишкомъ удалена отъ монастыря, о. Парѳеній рѣшился провести прямой проселочный путь. Много было здѣсь потрачено труда и времени, такъ какъ, монахамъ приходилось вырубать первобытный густой лѣсъ, и вести дорогу по горамъ древеснымъ тоннелемъ; но неуклонное стремленіе къ желанной цѣли, увѣнчалось наконецъ полнымъ успѣхомъ. Дорога эта окончена, и служитъ теперь проселочнымъ и ближайшимъ путемъ изъ Ѳеодосіи въ Судакъ. О необыкновенно пріятномъ впечатленіи испытываемымъ проѣзжающими по этому древесному тоннелю, я уже говорилъ выше.

– „Скажите, батюшка," обратился я къ послушнику, „участвовали ли окрестные татары въ вашихъ работахъ по прокладкѣ дороги къ Судаку?"

—„Участвовали, да не совсѣмъ охотно," сказалъ нашъ горбатенькій собесѣдникъ, перевертывая свой стаканъ кверху донышкомъ на блюдечко и благодаря за чай, предварительно перекрестившись большимъ крестомъ.

—„Почему же, не охотно?"

Послушникъ вытеръ пестрымъ платкомъ свое вспотѣвшее отъ изрядно выпитаго количества чая, лице, и прибавилъ:

—„Надо вамъ сказать, что покойный о. Парѳеній, дай ему Богъ царство небесное, всегда старался сходиться съ татарами, и пріучалъ ихъ смотрѣть на русскихъ, не какъ на враговъ, а какъ на своихъ друзей. Доказывалъ имъ, что проселочная дорога къ Судаку имъ же принесетъ пользу, и платилъ имъ даже за работу, хотя это было и тяжело для монастыря. . . ."

—„Ну, и что же?"

—„Да что!?. . . . Татарва смотрѣла на эту дорогу, какъ то подозрительно, какъ вообще она на все смотритъ, что ни дѣлаютъ здѣсь русскіе въ Крыму."

—„Отчего же, подозрительно?"

—„Да имъ, видите ли, все кажется, что рус-

скіе у нихъ все отнимаютъ, и хотятъ будто бы совсѣмъ ихъ вытѣснить изъ Крыма. Вотъ отто-го они и глядятъ на насъ какими-то бирюками, въ особенности по деревнямъ."

—„А въ городахъ, они не такъ подозри-тельны?"

—„Въ городахъ, они куда лучше; тамъ они все таки нѣсколько пообтесались. Между ними тамъ попадаются даже франты въ сюртукахъ и бѣлыхъ сорочкахъ, такъ что, если бы не шап-ки у нихъ на головахъ, такъ принялъ бы ино-го, за грека или итальянца."

—„А шляпы не рѣшаются надѣвать?"

—„Ни за что!.... а то, у нихъ еще завелась недавно охота учиться на скрипкѣ играть; страсть какъ полюбили скрипку, да такъ нѣко-торые на ней проворно перебираютъ пальцами, какъ бѣлка,. . . . они какъ будто бы и сговорчи-вѣе въ городахъ,. . . . а въ деревняхъ съ ними трудно ладить; народъ хитрый и лукавый. О. Парѳеній пробовалъ было съ ними схо-диться, да и кончилъ тѣмъ, что отъ нихъ-же онъ и погибъ! . . . . . Извѣстно, Азія!"

Проговоривъ послѣднія слова, послушникъ съ негодующимъ видомъ отвернулся въ сторону.

Кизильташъ, окруженный окрестными та-тарскими селами, имѣя большое число монаше-ствующей братіи, могъ бы сильно вліять на та-

таръ, введеніемъ русскаго элемента въ Крыму. До сихъ поръ, есть много въ Крыму деревень, гдѣ татары ни слова не понимаютъ по русски, такъ что проѣзжая по этимъ деревнямъ, окончательно забываешь, что находишься въ мѣстности давно подвластной Россіи. Нынѣшній игуменъ о. Николай, котораго мы, въ нашу бытность, не застали въ Кизильташѣ, какъ видно не такъ требователенъ относительно за-кизильташской мѣстности. А между тѣмъ, здѣсь нуженъ энергичный о. Парѳеній и ему подобные, иначе этотъ монастырь, ничѣмъ не будетъ отличаться отъ другихъ обителей, находящихся внутри Россіи, которыхъ назначеніе совсѣмъ другое, отличное отъ Кизильташа. Отъ нихъ не потребуется такого рода вліянія на окрестныхъ жителей, какое всегда долженъ оказывать монастырь, находящійся посреди татарскаго населенія. Намъ кажется, что даже слѣдовало бы вмѣнить въ обязанность имѣть школы въ такихъ монастыряхъ, для желающихъ татаръ-мальчиковъ учиться русскому языку. Обрусеніе края, могло бы повести за собою переходъ татаръ въ православную вѣру, и удержать ихъ за Россіею, какъ полезныхъ дѣятелей. Если бы вліяніе русскихъ въ нравственномъ и религіозномъ отношеніяхъ было сильно въ Крыму, то татары никогда не рѣшились бы изъ фанатиз-

ма выходить въ Турцію, и такимъ образомъ бросать свои дома, съ которыми соединено много воспоминаній о дѣтствѣ, и оставлять искони разведенные ими роскошные фруктовые сады, которые приносили не имъ однимъ огромную прибыль. Съ выходомъ татаръ въ Турцію, и сады ихъ перешедшіе въ русскія руки, стали замѣтно пустѣть. Русскіе не знакомые вполнѣ съ составомъ крымской почвы, не скоро разумѣется достигнуть тѣхъ результатовъ, которые были уже достигнуты татарами.

Отецъ Парѳеній въ продолженіи своего десятилѣтняго управленія монастыремъ, обходился очень гуманно съ татарами, стараясь своимъ примѣромъ пріобрѣтать къ себѣ довѣріе, и располагать ихъ въ свою пользу. Но, одинъ въ полѣ не воинъ; къ тому-же, слишкомъ скудныя средства монастыря, не давали ему большаго простора для задуманныхъ предпріятій, такъ что въ этомъ случаѣ, онъ ограничивался только своимъ нравственнымъ вліяніемъ; но и за это честное намѣреніе, игуменъ дорого поплатился, Татары видя такого неугомоннаго человѣка, какъ о. Парѳеній, который все чего-то добивается, давно уже затаили не доброе дѣло,—и наконецъ, осуществили его 22 августа 1866 года. Игуменъ Парѳеній, въ качествѣ сельскаго хозяина, не разъ былъ приглашаемъ въ одно изъ

частныхъ имѣній, находившееся недалеко отъ Судака, для приведенія его дѣлъ въ порядокъ. Въ непродолжительномъ времени, подъ его умнымъ надзоромъ, дѣла имѣнія стали замѣтно поправляться. Началъ же онъ перебирать дѣла съ татарина-прикащика, который оказался не совсѣмъ чистымъ на руку, и который дѣлился своими незаконными барышами съ другими сослуживцами, тоже татарами. Прикащикъ былъ разумѣется вскорѣ смѣненъ, а съ нимъ и его нѣсколько сослуживцевъ. Лишившись, такимъ образомъ, дохода, на который въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ привыкли смотрѣть, какъ на свой собственный, они задумали, во что бы то ни стало, отомстить о. Парѳенію. Посовѣтывавшись въ деревнѣ Таракташъ съ своими товарищами, они порѣшили . . . . . убить игумена. Выждавъ для этого удобный случай, когда о. Парѳеній ѣхалъ верхомъ тоннелемъ по расчищенной имъ дорогѣ, изъ Судака, два отряженные татарина засѣли за деревьями въ густой травѣ, съ заряженными ружьями. Было 4 часа пополудни, и о. Парѳеній не помышляя о предстоящей ему опасности, покачивался себѣ спокойно на своей татарской лошадкѣ, поспѣшая въ Кизильташъ къ вечернѣ. Въ самомъ глухомъ мѣстѣ окруженномъ деревьями на спускѣ горы, вдругъ съ боку игумена. . . . раздался выстрѣлъ, за нимъ

другой ..... и бѣдный, беззащитный о. Парѳеній, раненый двумя пулями въ грудь, какъ подрѣзанный колосъ, повалился съ лошади. При паденіи на землю, онъ говорятъ былъ еще живъ, но татары добили его ружейными прикладами.

Взявъ тѣло игумена, татары хотѣли нести его на гору, что бы тамъ въ лѣсной глуши, жжечь его безъ остатка, и такимъ образомъ скрыть слѣды своего преступленія; но въ это время, какой-то односельчанинъ ихъ потерявшій въ лѣсу вола, услышалъ выстрѣлы, бросился къ тому мѣсту, думая что не убили-ли его животное, и неожиданно натолкнулся на убитаго о. Парѳенія. Одинъ изъ стрѣлявшихъ накинулся было на испуганнаго свидѣтеля, и тутъ же началъ заряжать свое ружье, что бы покончить и съ нимъ; но другой товарищъ защитилъ свидѣтеля взявъ съ него предварительно слово, сохранить все это дѣло въ тайнѣ, и кромѣ того потребовалъ, что бы тотъ помогъ имъ носить на гору наломанныя сухія вѣтви для сожженія убитаго игумена; въ противномъ же случаѣ ему тоже надлежало разстаться съ жизніею. Свидѣтель изъ чувства самохраненія по неволѣ согласился помочь ихъ преступному дѣлу. Общими силами разведенъ былъ костеръ на горѣ, на которомъ и сожженъ до тла бывшій настоятель Кизильташскаго монастыря.

Монахи не дождавшіеся къ вечернѣ

о. Парѳенія, и освѣдомившись объ его исчезновеніи,—дали знать въ ѳеодосійское полицейское управленіе, откуда была отправлена слѣдственная коммисія въ деревню Таракташъ При довольно усиленныхъ поискахъ, коммисіи удалось набрести на того самаго татарина, который нося дрова, помогалъ сжигать тѣло игумена, и допросить его. Татаринъ измѣнилъ данному слову; разсказалъ, какъ было все дѣло, и открылъ виновныхъ. Судебный слѣдователь продержавъ его короткое время въ тюрьмѣ, выпустилъ на волю, наложивъ при этомъ строгую отвѣтственность на жителей Таракташа за цѣлость его жизни. Многіе татары, какъ было обнаружено слѣдствіемъ, знали заранѣе о задуманномъ планѣ убійства игумена, и не донесли о немъ. Кромѣ двухъ арестованныхъ преступниковъ, слѣдствіемъ привлечено къ отвѣственности еще 5 чел. татаръ, и съ ними ихъ сельскій голова. Прибывшій вскорѣ полевой судъ приговорилъ двухъ главныхъ преступниковъ къ разстрѣлянію, а остальныхъ къ ссылкѣ въ каторжную работу,

Найденный пепелъ и нѣсколько косточекъ, оставшихся отъ праха бывшаго игумена, были вскорѣ перенесены монахами въ Кизильташскій монастырь, и похоронены у подошвы горы близъ китайской бесѣдки. На крестѣ поставленномъ

надъ могилой, металлическая дощечка теперь гласитъ:

Отецъ Парѳеній игуменъ Кизильташской киновіи, убитъ и сожженъ таракташскими татарами 22 августа 1866 года на 51 году отъ рожденія.

VIII.

Малая доходность, и вообще бѣдность Кизильташскаго монастыря.

Въ Кизильташѣ имѣются сѣнокосы и разводится въ небольшемъ количествѣ виноградъ. Монастырь находитъ болѣе выгоднымъ разводить цѣльный, съѣдомый виноградъ, какъ лакомство, не выжимая изъ него сока. За пудъ такого винограда даютъ ему 2 рубля, между тѣмъ, какъ изъ пуда *виннаго* винограда, при выжимкѣ остается чистаго соку всего только 15 фун., и если считать таковой сокъ по

обыкновенію 80 копѣекъ за ведро, заключающее въ себѣ 30 фунтовъ, то остается отъ продажи всего 40 копѣекъ, съ цѣльнаго пуда винограда. Такимъ образомъ, разводя въ маломъ количествѣ виноградныя лозы для вина, монашескій трудъ никогда бы не вознаградился съ избыткомъ. Нынѣшній игуменъ о. Николай отыскалъ другую отрасль сельскаго хозяйства, а именно: разведеніе овецъ, каковое можетъ принести болѣе существенную выгоду монастырю. Самая мѣстность способствуетъ овцеводству. Поэтому все вниманіе нынѣшняго настоятеля, и обращено главнымъ образомъ на разведеніе курдюковыхъ овецъ. Крымская овца имѣя необыкновенно мясистый хвостъ, называемый здѣсь курдюкомъ, даетъ еще помимо шерсти, большое количество жиру, который также идетъ въ продажу.

Монастырь имѣетъ нѣсколько штукъ рогатаго скота и лошадей для домашняго обихода, такъ что сѣно снимаемое съ пастбищъ, идетъ на ихъ же прокормленіе зимою, но отнюдь не въ продажу. Такимъ образомъ, монастырю приходится едва сводить концы съ концами. Все богатство Кизильташа заключается въ его красотѣ и роскошной природѣ.

IX.

Спускъ съ горы впотьмахъ. Монастырская гостинница. Вторая безсонная ночь. Видъ со скалы. Клиросные. Богомольцы. Кавалькада подъ дождемъ.

Слушая разсказы добродушнаго послушника, мы и не замѣчали, какъ вечернія сумерки все болѣе и болѣе надвигались, и наконецъ вокругъ насъ образовалась совершенная темнота. Безсонная ночь, проведенная нами въ Судакѣ, начинала давать себя сильно чувствовать, и какъ намъ ни пріятно было сидѣть на церковной площадкѣ, однако надо было подниматься.

—„Скажите батюшка'“ обратились мы къ нашему собесѣднику, „гдѣ бы намъ переночевать?“

—„А у насъ есть,“ отвѣтилъ онъ, „для пріѣзжающихъ своя гостинница съ хорошими кроватями и мягкими тюфяками. Всѣ пріѣзжающіе въ ней останавливаются.“

—„Это тотъ домъ внизу горы, на дворѣ котораго мы оставили своихъ лошадей?“

—„Тотъ самый“. . . .

—„Вѣдь, къ нему надобно спускаться съ горы между деревьями, а теперь такъ темно, что мы наврядъ ли найдемъ туда дорогу.“

—„Да я васъ однихъ и не пущу, а провожу до самой гостинницы,... Идите за мной!“

Слѣдуя за проводникомъ, мы прошли небольшую открытую площадку, и стали постепенно спускаться внизъ. Пройдя шаговъ тридцать по спуску горы, мы очутились въ такой темнотѣ, образовавшейся отъ густо-нависшихъ и спутавшихся между собой деревьевъ, что начинали уже терять другъ друга изъ виду, и безпрестанно наталкивались на вѣтви, которыя едва успѣвали отстранять отъ себя руками. Мы шли съ большимъ трудомъ, и больше на голосъ, и наконецъ совсѣмъ остановились, въ одно и тоже время, и досадуя и смѣясь.

—„Батюшка,“ невольно вырвалось у насъ у всѣхъ, „мы ровно ничего не видимъ, и не знаемъ куда идти?“

—„Да, темненько,“ послышался нѣсколько удалившійся отъ насъ голосъ послушника, „а вы беритесь за мою рясу, да такъ и будемъ спускаться, здѣсь не круто, идите смѣло!“

Одинъ изъ насъ поймалъ предлагаемую полу рясы; за него ухватился другой, за этого — третій, за послѣднаго—четвертый, и такъ гуськомъ впотьмахъ потянулись мы внизъ къ монастырской гостинницѣ. Комическое шествіе это напомнило намъ наше дѣтство, и мы шутливо повторяли про-себя, памятныя слова: „дѣдка

за рѣпку, бабка за дѣдку и т. д.“ Въ такомъ положеніи мы шли около десяти минутъ, спотыкаясь о бугры и кочки. Наконецъ въ отдаленіи сталъ показываться, обрамленный деревьями, свѣтлый кругъ; мы направились на него уже смѣлѣе, и вскорѣ достигли гостинницы. На вопросъ, „можно ли намъ переночевать на антресоляхъ, вмѣсто нижняго этажа,“ нашъ проводникъ отвѣчалъ:

—„Можно, только я не совѣтывалъ бы вамъ ложиться въ верхнемъ этажѣ. Внизу и кровати есть, и комнаты чище, а тамъ только однѣ деревянныя нары, да къ тому же и пыльно.“

—„Но мы бы желали помѣститься на верху.“

—„Какъ вамъ угодно, я сейчасъ распоряжусь“....

Отыскавъ завѣдывающаго пустой гостинницей, и передавъ насъ ему, нашъ добрѣйшій проводникъ пожелалъ намъ спокойной ночи, отошелъ отъ насъ, и вскорѣ исчезъ въ темнотѣ.

Намъ хотѣлось непремѣнно расположиться въ большой комнатѣ на антресоляхъ съ выходящими на обѣ стороны балконами. Мы находили, что на верху намъ будетъ прохладнѣе ночью, и оттуда откроется утромъ лучшій видъ на Кизильташъ. Служитель съ нашей помощью, принесъ на антресоли тюфяки, и разложилъ ихъ

на нарахъ, идущихъ вдоль стѣнъ комнаты. Пыли оказалось на антресоляхъ вдоволь.

Пока мы размѣщались на ночлегъ, взошедшая луна уже ярко осѣнила голубымъ цвѣтомъ кизильташскую мѣстность, и разлила необыкновенную нѣгу въ воздухѣ. Только южная ночь можетъ рисовать такое лазуревое ясное небо, съ такимъ отчетливо-выдѣляющимся луннымъ шаромъ. Шаръ этотъ, казалось, висѣлъ въ воздухѣ, и готовъ былъ стремглавъ низринуться на землю. Сова перекликаясь съ своею подругой, и перелетая своимъ бархатнымъ тихимъ полетомъ съ одной скалы на другую, уныло мяукала, и наводила еще большее спокойствіе и дремоту. Глаза наши невольно стали смыкаться, и мы незамѣтно погрузились въ глубокій сонъ.

Но не долго намъ было предопредѣлено судьбою въ эту ночь вкушать сладкій безмятежный сонъ. Не прошло еще и часа, какъ насъ уже разбудили наши судакскія насѣкомыя. Но надо правду сказать, что судакскія насѣкомыя были ничто въ сравненіи съ кизильташскими. Эти просто подняли насъ на воздухъ, такъ что о снѣ и думать было нечего.

Подумаешь, какъ счастье своенравно!
Бываетъ хуже,—съ рукъ сойдетъ.

Надежда на отдохновеніе въ Кизильташѣ,

окончательно рушилась; каждый изъ насъ съ своимъ тюфякомъ переносился съ одного мѣста на другое, но однако ничего не помогало. Одинъ изъ товарищей попробовалъ было перейти съ тюфякомъ на балконъ, улегся тамъ, и даже воскликнулъ торжественно *„еврика!“* но черезъ нѣсколько минутъ, онъ убѣдился, что радость его была преждевременна. И тамъ не было покоя отъ нихъ же. Вспомнили мы тогда совѣты нашего монастырскаго собесѣдника, не оставаться на ночь на антресоляхъ, и порывались было уже сойти въ нижній этажъ, но не рѣшались безпокоить вторично служителя въ гостинницѣ. Да еще вопросъ, было ли бы намъ лучше въ нижнемъ этажѣ? Результатъ ночлега оказался таковъ, что мы не то бодрствовали, не то спали какимъ-то кисейнымъ сномъ, сидя на нарахъ. Такъ и прошла ночь.

Стала заниматься заря, а вмѣстѣ съ нею и появилась рѣзкая утренняя лѣсная свѣжесть, которая начала насъ крѣпко обхватывать своими холодными объятіями. Листья деревьевъ покрылись росою, блестѣвшею крупными слезинками; а надъ травой разстилался полосами туманъ. Чувствуемая нами сильная дрожь невольно заставила насъ покинуть нары и окончательно подняться на ноги. Вдали было слышно распѣваніе, какъ казалось, множества пѣтуховъ,

такъ что можно было подумать, что вокругъ Кизильташа, за горами, находилось большое жилье; но это было, какъ мы послѣ убѣдились, ни что иное, какъ оптическій обманъ. Кругомъ тянулась глушь страшная, и пѣло на нашемъ дворѣ всего два пѣтуха; но эхо передавая мелодіи двухъ пѣвцовъ, повторялось за горами неумолкаемо. Пока мы хлопотали около чая, зардѣвшаяся заря стала уже окидывать кизильташскую мѣстность багряными лучами; солнце начинало всходить. Съ каждой минутой его животворные лучи все болѣе и болѣе насыщали воздухъ живительной теплотой, и поглощали росу и туманъ. Утренній холодъ уходилъ отъ насъ съ необыкновенной быстротой. Мы вскорѣ почувствовали себя волѣ согрѣтыми, и начинали уже посматривать на кизильташскую скалу.

Интересно было убѣдиться, какое расположеніе горъ по столько разъ могло передавать вообще звукъ, какъ передавались напримѣръ звуки пѣнія пѣтуха; а потому, я изъ любопытства и рѣшился взобраться съ однимъ изъ своихъ товарищей, на самую верхушку скалы, гдѣ помѣщается одинъ изъ упомянутыхъ крестовъ.

Для того чтобы исполнить такое прихотливое желаніе, мы направились сначала по расчищенной дорогѣ мимо пещеры, и зашли въ

тылъ монастыря. Взорамъ нашимъ открылась крутая, чуть не отвѣсная каменистая гора, покрытая кое-гдѣ небольшими деревьями. Тропинки на ней не было никакой, и вскарабкаться на нее можно было не иначе, какъ на четверенькахъ. Мы выбрали этотъ послѣдній способъ. Взбираясь на гору, намъ по необходимости надо было цѣпляться руками за тонкіе стволы деревьевъ, а ногами упираться въ камни или въ выдающіеся бугры. И такъ какъ наша точка опоры иногда неожиданно осыпалась подъ нами, то намъ не разъ приходилось самымъ пріятнымъ образомъ сползать, противъ желанія, внизъ на нѣкоторое разстояніе, везя разумѣется при этомъ руками по каменистому грунту. Потеревъ себѣ изцарапанныя ладони, мы продолжали свой путь, и такимъ траги-комическимъ способомъ, наконецъ достигли верхушки горы. Верхушка скалы представляетъ собой небольшую, гладкую, лишенную растительности площадку, на краю которой водруженъ деревянный крестъ вышиною около сажени. Крестъ во многихъ мѣстахъ исписанъ карандашемъ и изрѣзанъ разными фамиліями, вѣроятно всходившихъ на эту скалу, и оставившихъ на ней память о себѣ.

Съ площадки мы увидѣли дугообразные сплошь покрытые деревьями ряды горъ, кото-

рыя шли кругомъ Кизильташа, какъ волны отъ брошеннаго въ воду камня. Разговоръ нашъ съ этой площадки откликался за зелено-мохнатыми горами, сливаясь въ общій гамъ; отрывочныя же фразы передавались совершенно отчетливо. Мы придумывали здѣсь самыя смѣшныя выраженія, и эхо какъ попугай по нѣсколько разъ, не конфузясь, отвѣчало намъ тѣмъ-же. Небосклонъ былъ совершенно безоблаченъ. Внизу, полянка совсѣмъ стушевалась, и люди копашащіеся на ней превратились въ пигмеевъ. Ничто здѣсь не нарушало нашего спокойствія; тишина была невозмутимая; только иногда пролеталъ по поднебесью орелъ съ распластавшимися крыльями, и наслаждаясь просторомъ, по временамъ издавалъ свой металлическій пискъ, который повторившись въ горахъ, придавалъ тишинѣ еще болѣе таинственности. Прелестный видъ со скалы, и утренняя пріятная свѣжесть, вполнѣ вознаградили насъ за потерянную ночь. Силы наши возстановились, и снова появилась бодрость.

Неожиданно рѣзко раздавшійся колоколъ къ обѣднѣ, понесшійся своими звуковыми волнами эхомъ по горамъ, невольно заставилъ насъ вздрогнуть. Учащенные его удары разрывались въ воздухѣ, сталкивались и путались между собою.

Странное ощущеніе испытывается при колокольныхъ звукахъ въ горахъ. Слушая ихъ, кажется, будто находишься гдѣ-то внѣ міра, и недоумѣваешь предъ ихъ воздушною гармоніею.

Колоколъ продолжалъ волноваться, а мы тѣмъ временемъ, стали спускаться съ горы, какъ спускаются обыкновенно по ручной лѣстницѣ, то есть спиною внизъ. Повернувъ обратно къ монастырскимъ постройкамъ, мы увидѣли, стоящаго около церкви нашего вчерашняго собесѣдника. Онъ видимо поджидалъ насъ, устремивъ на насъ издали свои маленькіе смѣющіеся главки. Подошедши къ нему, мы обмѣнялись привѣтствіями, какъ со своимъ старымъ знакомымъ.

—„Это вы уже успѣли слазить на верхушку скалы?“ спросилъ послушникъ

—„А вы, батюшка, почему это знаете?“

—„Мнѣ сказывали братія, они видѣли васъ съ низу.“

—„Да, сподобились“. . . .

—„Ну, какъ вы почивали?“

– „Хорошо, хорошо,“ отвѣтили мы, скрывъ отъ него разумѣется, нашe всенощное мученіе.

—„Ну слава Богу,“ сказалъ послушникъ, и при этомъ поправилъ на головѣ свои волосы; „не правда-ли, со скалы у насъ дивный видъ на окрестности?“

—„Да у васъ, батюшка, въ Крыму все *дивное*, и воздухъ и растительность, словомъ вся природа.“

—„Мы вотъ все никакъ не соберемся сдѣлать у скалы небольшую каменную лѣстницу, а то охотниковъ бываетъ много слазить на верхъ, да не рѣшаются; безъ ступенекъ трудновато и опасно.“ Съ послѣднимъ выводомъ нельзя было не согласиться, такъ какъ трудность и опасность, мы только что сейчасъ сами на себѣ испытали.

Во время нашего разговора, позади послушника показались двѣ молоденькія фигуры съ длинными бѣлокурыми волосами, которые у нихъ разсыпались по плечамъ Одѣты они были въ черные монашескіе подрясники, и подпоясаны кожаными поясами. Съ перваго взгляда, по этимъ волосамъ, безбородымъ лицамъ, и по длинному костюму, мы ихъ приняли за женщинъ. Но это были не женщины, а 15 и 16 лѣтніе юноши, будущіе монахи Они исполняли въ монастырѣ клиросную службу. Женоподобные юноши, посмотрѣли пристально на насъ, а мы на нихъ. Замѣтивъ нашъ удивленный взглядъ, одинъ изъ нихъ прикусивъ губы разсмѣялся, мы тоже. Затѣмъ, они направились къ церкви, куда вскорѣ и мы вошли съ послушникомъ.

Обѣдня въ этотъ день не могла состояться

по причинѣ отсутствія единственнаго іеромонаха игумена о. Николая, который по дѣламъ монастыря выѣхалъ въ Ѳеодосію. Служба ограничилась только чтеніемъ часовъ. Отстоявъ часы, и сдѣлавъ посильный вкладъ въ церковную кружку, мы заявили своему знакомому, что намъ пора уже проститься съ Кизильташемъ.

—„Жаль, что мало побыли у насъ...“ сказалъ послушникъ.

—„Да,“ отвѣтили мы, „дѣйствительно жаль разставаться съ такимъ прелестнымъ уголкомъ; кто разъ видѣлъ Кизильташъ, тотъ не скоро его позабудетъ.“

Мы стали прощаться съ послушникомъ.

—„Позвольте-же,“ сказалъ онъ, „если идти, то пойдемте вмѣстѣ на нижній дворъ.“ И горбатенькій послушникъ вторично любезно проводилъ насъ до гостинницы. Пока закладывали лошадей, нашъ провожатый успѣлъ разсказать намъ о томъ, что какая масса народа собирается сюда изъ окрестныхъ мѣстъ въ день Успенія 15 августа, и что при этомъ, за неимѣніемъ разумѣется мѣстъ въ монастырѣ, большая часть посѣтителей запросто располагается съ своими пожитками въ орѣховой рощѣ.

—„Въ послѣдній разъ,“ добавилъ онъ, „на день Успенія была хорошая погода, и богомольцевъ собралось множество, какъ вдругъ началъ

покрапывать небольшой дождикъ, да чѣмъ дальше, все больше и больше, а потомъ поднялся громъ, и дождь полилъ, какъ изъ ведра. Надо было видѣть суету бѣдныхъ посѣтителей въ рощѣ. Вода у нихъ текла подъ ногами цѣлой рѣкой; а спрятаться имъ было некуда, такъ какъ всѣ крытыя мѣста были заняты. Да такъ таки, до самаго вечера и не переставалъ дождь."

—„Отчего-же монастырь не возведетъ, хотя бы легкихъ деревянныхъ построекъ, куда бы могли посѣтители укрываться въ дурную погоду?" спросилъ одинъ изъ насъ.

—„Надо-бы, надо, да вотъ никакъ не соберемся со средствами," отвѣтилъ онъ.

Каждый изъ насъ почти инстинктивно взглянулъ вверхъ, не видно-ли было тучъ; мы пріѣхали въ открытомъ экипажѣ; небо было однако совершенно ясно.

—„Когда пріѣдете домой въ свой городъ," промолвилъ послушникъ," передайте отъ меня нижайшій поклонъ г-ну N..... это одинъ изъ нашихъ благодѣтелей, человѣкъ благочестивый."

—„Передадимъ, непремѣнно, передадимъ...."

Лошади были готовы, и мы самымъ дружескимъ образомъ распрощались съ добрѣйшимъ своимъ собесѣдникомъ, и выѣхали съ монастырскаго двора по направленію къ Ѳеодосіи. Мо-

настырь вскорѣ скрылся отъ насъ, и только издали были видны окружающія его горы.

До поѣздки еще въ Кизильташъ, мы слышали, что въ тотъ же день Успенія 15 августа, съ утра выѣхала изъ Ѳеодосіи, блестящая кавалькада, состоящая изъ нѣсколькихъ барынь въ амазонкахъ и кавалеровъ въ пиджакахъ и цилиндрахъ. Веселая, беззаботная компанія направлялась по дорогѣ къ монастырю Кизильташъ. Время въ разговорахъ шло незамѣтно. Все какъ бы способствовало пріятному путешествію. Но на бѣду, погода такъ не дружелюбно обошедшаяся съ посѣтителями въ орѣховой рощѣ, захотѣла въ этотъ же день пошутить и съ путешественниками галопирующими на лошадяхъ.

Часа полтора спустя по выѣздѣ изъ Ѳеодосіи, сильнѣйшій дождь и гроза застали ихъ какъ разъ на полупути въ полѣ. Укрыться имъ отъ дождя было некуда, и они волей не волей должны были продолжать свой путь дальше. Такимъ образомъ, барыни въ амазонкахъ и кавалеры въ цилиндрахъ проскакали подъ проливнымъ дождемъ цѣлыхъ 16 верстъ. Можно себѣ представить, въ какомъ охлажденномъ видѣ, кавалькада эта прибыла въ Кизильташъ на богомолье.

X.

Деревня Отузы. Дѣвочка съ кувшиномъ. Татарка-фанатикъ. Молящаяся старуха у родника. Черное море.

По дорогѣ въ Ѳеодосію лежитъ небольшая татарская деревня Отузы. Сама по себѣ деревня эта ничѣмъ не отличается отъ Таракташа; тѣ-же глухіе домики въ ней изъ камня лѣпленаго на глинѣ, покрытые черепицей; отсутствіе какихъ бы то ни было улицъ; и даже нѣтъ въ ней мечети Но Отузы оставили въ насъ по себѣ неизгладимое воспоминаніе по одному небольшому эпизоду, происшедшему вслѣдствіе недоразумѣнія, который охарактеризовалъ отчасти татарскіе домашніе нравы. Деревня Отузы расположена у небольшой тянущейся въ отдаленіи отъ нея горы, вдоль которой протекаетъ сажени въ двѣ шириною ручей, образовавшійся изъ родника. Ручей этотъ отдѣляется отъ деревни построенной на пригоркѣ, густой рощей. Такъ какъ мы дѣлая объѣздъ по этому уголку Крыма старались ничего не оставлять безъ вниманія, то разумѣется не утерпѣли, что бы не заѣхать и въ деревню Отузы.

Нашъ возница остановился какъ разъ у той самой рощи, о которой я только что сейчасъ упомянулъ. Сквозь деревья вдали виднѣлись душъ двадцать татарокъ разнаго возраста. Однѣ изъ нихъ стояли нагнувшись надъ ручьемъ и полоскали бѣлье, а другія выбивали его вальками. Стукъ вальковъ рѣзко раздавался въ тѣнистой рощѣ, и отдавался эхомъ за горой. Всѣ находящіяся здѣсь татарки были одѣты въ рабочія ситцевыя платья, почти ничѣмъ не отличающіяся своимъ покроемъ отъ нашихъ русскихъ таковыхъ же платьевъ; на нѣкоторыхъ изъ нихъ были накинуты короткія покрывалы, которыми они впрочемъ не закрывали своихъ лицъ. Татарки изрѣдка переговаривались между собою.

Оставивъ свой фургонъ около деревни, мы вошли въ рощу. Прохлада ея такъ и охватила насъ. Нѣсколько татарокъ на минуту было выпрямились, и съ любопытствомъ посмотрѣли на незнакомыхъ пришельцевъ; перебросившись нѣсколькими словами между собою, онѣ принялись снова за свою работу. Въ это время, вблизи ручья показалась дѣвочка-татарка лѣтъ 12 съ узкимъ глинянымъ азіятскимъ кувшиномъ въ правой рукѣ на отвѣсъ. Кувшинъ былъ съ водой. Переходя закоулками отъ одного дерева къ другому, она направлялась на ту тропинку,

которая вела ее мимо насъ. Это было прелестное розовое личико съ прямымъ носикомъ и черненькими, какъ у мышки глазками. На ней была красная шапочка, изъ-подъ которой вокругъ головы распускались заплетенныя и перевитыя малиновыми ленточками, остренькія косички. Широкіе разрѣзные рукава бѣлой сорочки выпущенные изъ-подъ короткихъ рукавовъ кафтанчика, развѣвались по воздуху отъ скорой и граціозной ея походки, какъ развѣвались и полы ея легкаго ситцеваго кафтанчика подпоясаннаго серебренымъ поясомъ. Когда дѣвочка поровнялась съ нами, одинъ изъ нашихъ товарищей мучимый жаждой, и знавшій нѣсколько по татарски вдругъ обратился къ дѣвочкѣ, и громко произнесъ:

—„*Веръ мана су*!“ (т. е. дай мнѣ воды!)

Дѣвочка встрепенувшись, остановилась въ недоумѣніи, устремивъ на насъ удивленно свои черные пытливые глазки. Компаньонъ снова повторилъ еще громче:

—„*Веръ мана су*!“

Дѣвочка какъ-то нерѣшительно стала было уже приподнимать коричневый кувшинъ съ водою, чтобы передать его просившему, какъ вдругъ, у ручья раздался громкій, сердитый крикъ пожилой татарки, изъ котораго ясно выдавались, какъ-бы въ укоръ дѣвочкѣ, часто пов-

торяемыя слова: *„веръ мана су, веръ мана су....“* Испуганная дѣвочка мгновенно опустила кувшинъ, и быстро зашагала желтыми туфельками по направленію къ деревнѣ, размахивая по прежнему своими бѣлыми рукавами-крыльями. Кричавшая татарка не унялась однако и по уходѣ дѣвочки; съ покосившимся лицемъ отъ злобы, она продолжала кричать уже обращаясь къ намъ, и опять между непонятными для насъ фразами, ясно отчеканивались ею, безпрестанно повторяемыя знакомыя уже намъ слова: *„веръ мана су, веръ мана су. . . .“* за нею подхватили и остальныя татарки съ тѣми же возгласами: *„веръ мана су, веръ мана су. . . . .“*

Въ концѣ концовъ поднялся такой шумъ и гамъ въ рощѣ, что казалось будто бы цѣлая стая галокъ съ своимъ пронзительнымъ крикомъ, кружилась надъ разоряемымъ гнѣздомъ. Тутъ были и звонкіе, и мягкіе и хриплые голоса. Эхо такъ и перекатывалось по рощѣ. Крики могли привлечь изъ деревни постороннихъ татаръ, которые не понявъ ничего за шумомъ, обратились бы къ намъ пожалуй и съ угрозами; а потому не теряя ни минуты времени, мы поспѣшили подойти къ своему фургону, сѣли въ него, и велѣли возницѣ погонять лошадей изъ деревни, какъ можно скорѣе, предоставивъ отузскимъ дамамъ упражнять

свои голоса на воздухѣ. Подумаешь, какое мы въ самомъ дѣлѣ совершили преступленіе, попросили у дѣвочки воды напиться! Но обычай у татаръ, какъ и вообще у всѣхъ мусульманъ, строго воспрещаетъ женскому полу, и въ особенности дѣвушкамъ разговаривать съ посторонними мужчиной. Вотъ изъ-за чего и произошелъ весь шумъ.

Нравы и обычаи мусульманъ рѣзко отличаются отъ таковыхъ христіанскихъ, и потому, они уже не разъ, вслѣдствіе недоразумѣній, проявлялись въ непроглядной формѣ. Намъ передавали потомъ въ Ѳеодосіи, что судебнымъ слѣдователямъ служащимъ въ Крыму, вмѣняется въ непремѣнную обязанность внимательно и снисходительно относиться къ обычаямъ татаръ.

Мы выѣхали на равнину и деревня давно уже скрылась, но у насъ долго еще неотвязчиво звучали въ ушахъ возгласы сердитой татарки: *„веръ мана су, веръ мана су. . . . .“*

На правой сторонѣ равнины опять показались горы, которыя уже тянулись вплоть до самаго Чернаго моря. Въ одной изъ горъ есть большое ущелье, сверху котораго струится извилинами родниковая вода, по проложенному

ею самою въ скалѣ, желобку. Мы вошли въ это ущелье съ цѣлью напиться свѣжей воды, которой намъ не удалось получить въ Отузахъ изъ рукъ молоденькой мусульманки. Черезъ нѣсколько минутъ, вошла туда же какая то старуха-татарка, ведя за руку 6-ти лѣтняго мальчика, въ малиновой вязаной шапочкѣ, надѣтой на маленькую бритую головку. Подведя мальчика къ источнику, старуха начала что то ему объяснять по татарски, показывая безпрестанно на источникъ, и поднимая при этомъ свои руки къ небу. Мальчикъ умильно посматривалъ, то на скалу, по которой струилась вода, то на старуху. Наконецъ, она взяла его за плечики, подвела къ роднику, зачерпнула рукой немного воды, и слегка омочила ею лице мальчика; при этомъ она опять что-то сказала. Ребенокъ сталъ на колѣни, уперся ручонками о каменный желобокъ, и наклонившись припалъ губами къ источнику. Стоящая же позади его старуха приподняла опять руки вверхъ, и устремивъ глаза къ небу, въ полголоса произносила благодарственную молитву за ниспосланный Богомъ источникъ холодной воды. Слезы струились по ея старческому изборожденному морщинами лицу, а бѣлая чадра ея откинулась назадъ, отдѣлившись отъ стана. Затѣмъ утеревъ концомъ чадры свои слезы, старушка погладила съ улыб-

кой по головѣ мальчика, взяла его опять за руку, и медленно вышла съ нимъ изъ ущелья, За нею послѣдовали и мы. По выходѣ изъ ущелья, мы обогнули находящуюся по пути небольшуя гору, и вскорѣ нашимъ взорамъ предстало море, безконечное Черное море во всей своей грандіозной прелести, вдали сливающееся съ небосклономъ. Въ воздухѣ было тихо; морскія волны мѣрно катились одна за другою, и достигнувъ песчаннаго берега, разбивались о него, разсыпаясь мельчайшими брызгами. На этомъ водномъ пространствѣ, въ нѣсколькихъ мѣстахъ были видны синія и серебристыя пятны, представляющія собою отраженіе тучь и синяго неба, и въ тоже время эти пятны показывали различную глубину самого моря. А тамъ далеко, на сколько только могло хватить человѣческое зрѣніе, едва замѣтно подвигался трехмачтовый корабль съ поднятыми парусами. Паруса его ярко бѣлѣли на солнцѣ. Свѣжій, мягкій морской воздухъ, настоящій крымскій южнобережскій воздухъ повѣялъ на насъ своимъ живительнымъ и благотворнымъ дыханіемъ. Мы невольно остановились около бухты, раздѣлись.... и забывъ все на свѣтѣ, пустились въ соленую морскую пучину; и поплыли, быстро поплыли, разсѣкая волны посаженно руками, покачиваясь съ боку на бокъ. Когда мы останови-

лись на мелкомъ песчанномъ мѣстѣ по горло въ водѣ, которая тихо плескалась о наши лица, намъ открылась даль такою-же безконечною, какимъ безконечно глубокимъ былъ и голубой небосклонъ, висѣвшій надъ нами. Духъ захватывало отъ такой великой живой картины. Созерцая ее, мы представляли себя песчинками передъ нею, а между тѣмъ эти песчинки были тогда безконечно счастливы..... Однако, вода въ морѣ была довольно тепла, и оставаться въ ней долго въ такое время нельзя было безъ вреда для себя, а потому мы вскорѣ должны были, съ большимъ сожалѣніемъ, разстаться съ нею.

XI.

Двуякорный мысъ, Новый Поливемъ. Барашки. Обратная поѣздка. Крымскіе греки.

На правой сторонѣ, въ 2-хъ верстахъ отъ бухты выдается скалистый мысъ, называемый „Двуякорнымъ.“ Къ этому мысу мы ѣздили изъ Ѳеодосіи въ лодкѣ еще до посѣщенія Кизильташа.

Двуякорный мысъ представляетъ изъ себя горный кряжъ покрытый мѣстами травой, и выходитъ длинною полосою въ море. Подъѣхавъ къ нему на лодкѣ, мы пошли по извилистой тропинкѣ, которая привела насъ на средину кряжа. Около убогой лачужки съ выросшей травой на ея земляной крышѣ, сидѣлъ на камнѣ коренастый мущина лѣтъ сорока пяти, и чинилъ флегматически разосланныя передъ собой рыболовныя сѣти. Это былъ единственный житель пустыннаго мыса. По своей окружающей обстановкѣ, онъ напоминалъ намъ древняго гомеровскаго Полиѳема, съ тою разницею, что тотъ живя на пустынномъ островѣ питался молокомъ овецъ, а нашъ новый *Полиѳемъ* питался одною рыбою; къ тому же онъ былъ и родомъ грекъ. Мы подошли къ нему, и замѣтили сильно удивленный взглядъ устремленный имъ на насъ. Мы поздоровались; онъ слегка кивнулъ намъ головою. Онъ, разумѣется, не ждалъ къ себѣ незванныхъ гостей, нарушившихъ его покой, и первое время былъ скупъ на слова; но потомъ, мало по малу разговорился. Онъ зналъ довольно порядочно русскій языкъ.

—„Вы здѣсь одинъ проживаете?“

—„Одинъ,“ отвѣтилъ нашъ новый знакомый.

—“Давно?“

—„Вотъ уже 12 лѣтъ.“

—„Что-же вы тутъ дѣлаете?“

—„Рыбу ловлю въ морѣ.“

—„Куда же вы ее сбываете?“

—„Часть ея оставляю для себя, а остальную продаю.“

—„Кому же вы ее продаете?“

—„У меня есть племянникъ въ Ѳеодосіи, который пріѣзжаетъ сюда разъ въ недѣлю, и привозитъ мнѣ хлѣбъ и постное масло, а отъ меня забираетъ рыбу, и продаетъ ее въ Ѳеодосіи.“

—„Не скучно же вамъ здѣсь жить одному?“

– „Нисколько. Тутъ тихо, спокойно, хорошій воздухъ, не то что въ городѣ. Эта жизнь укрѣпляетъ человѣка. . , .“

И на что ему это *укрѣпленіе* на безлюдьи, подумали мы про себя, самъ отъ жизни уходитъ, а о жизни заботится.

—„Вы говорите, что здѣсь тихо, спокойно, а когда разгуляется буря на морѣ, и зареветъ вѣтеръ въ волнахъ, развѣ не бываетъ вамъ тогда жутко?“

—„Никогда, Я люблю бурю. Она точно разсказываетъ что то. Съ нею весело. Послѣ нее бываетъ хорошій уловъ рыбы. Я знаю напередъ, когда должна быть буря?“

—„А сегодня ничего не будетъ похожаго на бурю, а то вѣдь мы должны ѣхать обратно

въ лодкѣ?“

—„Нѣтъ,“ увѣренно отвѣтилъ онъ, „передъ заходомъ солнца, подуетъ только небольшой вѣтерокъ, а большое волненіе будетъ развѣ только къ утру.“

Слова его мы приняли къ свѣдѣнію, и старались не мѣшкать. Взошедши на поверхность кряжа, мы увидѣли на другой сторонѣ мыса вдоль крымскаго берега, черныя скалы, которыя прямо спускались въ море, и отражались въ немъ. Скалы шли непрерывно, и скрывались наконецъ въ туманѣ. Сквозь туманъ воображеніе рисовало намъ красавицу Ялту. Побродивъ по Двуякорному мысу, мы достали привезенную съ собой провизію, и сѣли закусывать, вблизи лачужки. На морѣ въ различныхъ мѣстахъ показалась клочками пѣна, которая сворачиваясь, катилась по немъ въ различныхъ направленіяхъ, и походила издали на разбросанныя бѣлыя мерлушки. Вѣроятно это сходство и подало поводъ называть ихъ въ Крыму *барашками*. *Поливемъ* былъ правъ; безъ вѣтра не бываетъ на морѣ *барашекъ*. Хотя сидя за горой, мы и не чувствовали его вѣяніе, но однако внутренній голосъ намъ подсказывалъ, что надо было поскорѣе собираться во-свояси.

Двуякорный мысъ отстоялъ отъ Ѳеодосіи на 5 верстъ.

Мы попрощались съ *Полиѳемомъ*, пожелали ему хорошаго улова рыбы, и спустились съ горы. Внизу около лодки, насъ поджидали наши гребцы. Они устанавливали въ лодкѣ небольшую мачту для паруса, и торопили насъ ѣхать. Мы было заявили имъ, „что если можетъ угрожать опасность, то не лучше ли намъ возвратиться въ Ѳеодосію сухимъ путемъ, обогнувъ бухту.“

—„Сухимъ путемъ нельзя пройти,“ отвѣтилъ лодочникъ, „здѣсь версты па двѣ идутъ горы, и нѣтъ никакой дороги.... Да вы не безпокойтесь, мы люди опытные, и доставимъ васъ благополучно въ Ѳеодосію.“

Скрѣпя сердце, мы сѣли въ лодку. Одинъ изъ гребцовъ оттолкнулъ ее весломъ отъ берега. Въ бухтѣ было тихо, и волненія незамѣтно. Мы пошли на веслахъ. При поворотѣ лодки, мы взглянули на Двуякорный мысъ; пустынножитель стоялъ на горѣ, и провожалъ насъ глазами; и хотя онъ не бросилъ намъ во слѣдъ огромнаго камня, какъ это сдѣлалъ гомеровскій Полиѳемъ, взволновавшій тѣмъ море Одиссею, тѣмъ не менѣе, по мѣрѣ удаленія отъ мыса, нашу лодку стало покачивать все болѣе и болѣе.

—„Не хорошо мы сдѣлали,“ замѣтилъ намъ одинъ изъ нашихъ гребцовъ, „что не догадались захватить съ собою нѣсколько камней для баласта, съ ними было бы спокойнѣе, и не бро-

сало бы такъ лодку,“

И тутъ же посовѣтывали намъ всѣмъ сѣсть на дно лодки, вмѣсто баласта; что мы, разумѣется, и исполнили тотчасъ-же. Сидя на днѣ лодки, мы поднимались постепенно съ одной волны на другую, и чѣмъ дальше, все выше и выше. Гребцы просили для безопасности направлять рулемъ лодку на перерѣзъ катившимся на насъ волнамъ. При приближеніи идущаго вала, наша лодка медленно поднималась носомъ на поверхность волны, и затѣмъ также убійственно медленно опускалась внизъ, точно въ канаву. Мы уже начинали чувствовать подступъ морской болѣзни. Казалось, такой пыткѣ, не будетъ и конца. Вѣтерокъ, однако, подувалъ легко А тутъ еще, какъ на бѣду, на разстояніи трехъ саженей отъ насъ, показались дельфины, которые попарно выдѣлялись изъ воды, и описавъ дугу въ воздухѣ, снова погружались своими острыми носами, въ море. По объясненію гребцовъ, дельфины боятся людей, и не подходятъ къ нимъ, но любятъ иногда играть, плывя за идущими пароходами, а иногда и за лодками. Они появляются въ бухтѣ, всегда наканунѣ бури.

—„А что если нашу лодку перевернетъ?“ спросилъ одинъ изъ насъ.

—„Мы не боимся этого,“ отвѣтилъ гребецъ,

„мы хорошо плаваемъ, а вотъ Митька," при этомъ онъ толкнулъ своего товарища, „такъ онъ ныряетъ на шесть сажень въ глубину, и съ однимъ весломъ поплываетъ куда угодно."

—„Вы поплывете съ весломъ куда угодно, ну, а мы-же что будемъ дѣлать, если опрокинется лодка?"

—„Богъ милостивъ, не опрокинется," произнесъ увѣренно гребецъ, „вы только правьте больше на волну!"

По выходѣ изъ бухты въ море, наши гребцы пользуясь попутнымъ вѣтромъ, подняли парусъ. Съ поднятымъ парусомъ лодка пошла легче скользить по водѣ, и стала менѣе зарываться въ волнахъ. Мы нѣсколько успокоились, но все таки еще продолжали сидѣть на днѣ лодки. Матросы все время разговаривали между собою по татарски.

—„Вы кто такіе?" полюбопытствовалъ я узнать, „татары или греки?"

—„Настоящіе греки, православные!" отвѣтилъ матросъ.

—„Отчего-же вы разговариваете по татарски, вѣрно вы не знаете греческаго языка?"

—„Знаемъ," отвѣтилъ одинъ изъ нихъ, и обратившись къ своему товарищу, произнесъ нѣсколько словъ по гречески, при чемъ они оба громко разсмѣялись.

Оказалось что они не знакомы съ своимъ первоначальнымъ роднымъ языкомъ. Эти два матроса были потомки древнихъ византійскихъ грековъ, нѣкогда поселившихся въ Таврицѣ, и не только они сами, но ихъ отцы и дѣды уже не говорили по гречески. Крымскіе греки подверглись сильному вліянію татаръ, и давно уже татарскій языкъ считаютъ своимъ роднымъ. Всѣ они однако причисляютъ себя къ православной греко-каѳолической церкви.

—„Въ какую-же вы церковь ходите, въ русскую или греческую?“

—„Въ русскую ходимъ, и въ греческую.“

—„Да въ греческой церкви, вы вѣдь ничего не понимаете?“

—„Такъ что-же, мы христіане, и молимся въ церкви по христіански.“

Дѣти природы, подумали мы про себя.

Наконецъ мы поворотили въ ѳеодосійскую бухту, гдѣ качка была уже менѣе чувствительна, сняли парусъ, и лодка наша пошла спокойно на веслахъ до самой Ѳеодосіи.

XII.

Крымскіе фонтаны.

Отправляясь обратно въ Ѳеодосію, мы, подъ обаятельнымъ впечатлѣніемъ произведеннымъ на насъ Кизильташемъ, едва было не позабыли упомянуть о четырехъ фонтанахъ, построенныхъ татарами по пути отъ вышеозначеннаго монастыря къ Ѳеодосіи. Вода вообще, но холодная родниковая въ особенности, считается у магометанъ священнымъ даромъ, ниспосылаемымъ Богомъ за ихъ правую вѣру. Такъ какъ, магометанство получило свое начало въ жаркомъ климатѣ пустынной, каменистой Аравіи, гдѣ туземцы всегда обожали нечайно найденный источникъ холодной воды, то такое обожаніе впослѣдствіи обратилось у магометанъ въ догматъ вѣры. Вѣрованіе это перенесено магометанами и въ Крымъ. Татары предпринимая путешествіе, или вообще какое либо, по ихъ мнѣнію трудное дѣло, даютъ обѣтъ Богу, на случай счастливаго исхода, сдѣлать благодѣяніе окрестнымъ жителямъ, построеніемъ фонтана у найденнаго источника, который могъ бы служить, какъ для питья, такъ и для обыч-

наго религіознаго омовенія. Безъ такого омовенія, магометанинъ не можетъ обойтись въ своемъ обиходѣ, и совершаетъ его при всякомъ удобномъ случаѣ, по нѣсколько разъ въ день. Между прочимъ, передъ началомъ моленія, настоящій послѣдователь ученія пророка Магомета, обязанъ предварительно омыть себѣ лицо, руки и ноги, и потомъ уже на разосланномъ коврикѣ совершать свой *намазъ*. Подобныхъ намазовъ съ омовеніемъ полагается для истинно вѣрующаго пять разъ въ день. Постройка фонтановъ, такимъ образомъ принадлежитъ, большею частью, единичнымъ личностямъ, а не цѣлому обществу. Такихъ фонтановъ встрѣчается очень много въ Крыму; они разбросаны по всему его пространству, въ жилыхъ и не жилыхъ мѣстахъ. Въ одной Ѳеодосіи, до взятія ея русскими, считалось ихъ до 80. Всѣ они по обыкновенію, тщательно обставляются каменной лѣпленой на глинѣ стѣной, и имѣютъ посреди послѣдней, желѣзный желубокъ, съ постоянно струящейся изъ него холодною водою. Струя падаетъ въ каменный ящикъ, и чрезъ отверстіе сдѣланное въ немъ, вытекаетъ въ поле. Если требуется временно устроить при фонтанѣ водопой для скота, то стоитъ только заложить нижнее отверстіе, и вода наполняется въ ящикѣ, въ должномъ количествѣ.

Въ тѣхъ мѣстахъ, изъ которыхъ татары переселились въ Турцію, такіе фонтаны теперь никѣмъ не поддерживаются; многіе изъ нихъ уже засорились на столько, что ключи ихъ приняли другія направленія, и фонтаны лишились воды безвозвратно. Въ Ѳеодосіи, при занятіи ее русскими, считалось, какъ я уже сказалъ, до 80 фонтановъ, но теперь въ ней дѣйствуютъ ихъ всего на всего только три, и въ одномъ изъ этихъ трехъ, вода стала уже такъ тихо струиться, что въ четверть часа, едва наполняетъ простое ведро.

Пришедшее съ ведрами *общество* садится обыкновенно около этого плачущаго фонтана, и по цѣлымъ часамъ ожидаетъ своей очереди.

XIII.

Танцующая татарка. Музыканты. Лошади „аянъ.“ Чумаки. Заключеніе.

Налюбовавшись вдоволь на море, и освѣжившись въ немъ, какъ я сказалъ выше, мы выѣхали на степную дорогу, и удалялись все болѣе и болѣе отъ крымскихъ горъ, которыя позади насъ темнѣли покрытыя синимъ туманомъ. Подъѣзжая къ Ѳеодосіи, мимо разбросанныхъ тамъ и сямъ татарскихъ домиковъ, намъ послышался стукъ точно барабана или бубна. Оглядѣвшись по сторонамъ, мы замѣтили около одного изъ домиковъ, трехъ стоящихъ татаръ-музыкантовъ. Одинъ изъ нихъ игралъ на дудкѣ (зурна), а двое другихъ выбивали на турецкомъ барабанѣ и бубнѣ. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ музыкантовъ, пожилая татарка съ серьезнымъ лицемъ, съ поднятыми колесомъ надъ головой руками, медленно подъ унылые звуки, кружилась на одномъ мѣстѣ, точь въ точь, какъ въ старинныхъ органахъ кружатся куклы. Изрѣдка, она наклонялась, будто бы кланяясь, и затѣмъ опять продолжала свой одуряющій танецъ, доводящій танцующую до полнаго забвенія. Дудка своимъ рѣзкимъ, наво-

дящимъ тоску звукомъ, выдѣлывала при этомъ труднѣйшія трели и переливы, коихъ темы не было никакой возможности схватить, такъ они странно и темно звучали для европейскаго уха; точно слышалось щебетаніе ласточки. Барабанъ же и бубенъ вторя зурнѣ, выбивали съ различными остановками, и какъ казалось совсѣмъ не впопадъ. Такія нервныя, причудливыя ударенія были однако совершенно въ характерѣ восточной музыки.

Удары барабана долго еще слышались позади насъ, постепенно затихая. Мы въѣзжали въ городъ. На встрѣчу намъ показались двѣ амазонки съ двумя кавалерами. Ужъ не часть ли это той кавалькады, которая недавно подъ проливнымъ дождемъ скакала на богомолье въ Кизильташъ? Лошади ихъ легкою иноходью плыли, постукивая глухо копытами о мягкую землю. Синія вуали амазонокъ слегка развѣвались въ воздухѣ.

—„Лошадь, что идетъ впереди, это настоящій *аянъ*,“ сказалъ обернувшись къ намъ нашъ возница.

—„Что такое значитъ *аянъ*?“

—„*Аянъ*, это у татаръ такъ называются лошади, которыя передними ногами перебираютъ, какъ будто дѣлаютъ скачки, а задними идутъ рысью; нѣтъ лучше и покойнѣе побѣжки

аяна. Это самыя настоящія дамскія лошади. Вотъ, посмотрите!“

Но кавалькада уже проѣхала мимо насъ, и трудно было разсмотрѣть внимательно побѣжку *аяна*. Впослѣдствіи, мы удостовѣрились въ справедливости словъ нашего возницы, и сами испытали ѣзду на этихъ полугалопирующихъ лошадяхъ. Дѣйствительно, ихъ оригинальная побѣжка, необыкновенно покойна и пріятна для ѣздока.

Наконецъ мы выѣхали на ѳеодосійскую набережную. Вдоль ея бѣднаго зеленью бульвара, тянулась въ это время, безконечная вереница невыносимо скрипящихъ чумацкихъ возовъ нагруженныхъ товарами, надъ которыми пыль стояла цѣлымъ облакомъ, и покрывала собой почти весь обозъ. Одинъ изъ нашихъ товарищей, проведшій съ нами двѣ безсонныя ночи, и находившійся болѣе другихъ въ возбужденномъ состояніи, положительно не могъ переносить пронзительный скрипъ не мазанныхъ колесъ, и обратившись къ обозу, неожиданно для насъ, сердито крикнулъ:

—„Стой!!. . . .“

Въ облакахъ пыли, въ отвѣтъ ему послышался богатырскій голосъ одного изъ сопровождавшихъ обозъ:

—„*Алоу*!!....“ перекатилось по набережной,

„*Ничипоре! тривай лишень, спини воливъ!*“

Слова эти были обращены къ мальчику, находящемуся во главѣ обоза. Двѣнадцатилѣтній *Ничипоре* прозвуча: *тпрру!....*“ тотчасъ же уперся руками и грудью въ одного изъ воловъ, который прежде чѣмъ остановиться, протолкалъ его нѣсколько шаговъ впередъ. Возы остановились, и скрипъ замолкъ. Изъ облака пыли, точно изъ рамки выдѣлилась высокая, плечистая фигура чумака, въ пестрядевыхъ шараварахъ, широкихъ, *какъ Черное море* по выраженію Гоголя, съ кнутовищемъ въ рукахъ, чуть не въ свой ростъ. На немъ не видно было лица отъ пыли; она покрывалала его съ ногъ до головы, и только одни бѣлки его глазъ выдавались своею бѣлизною.

—„*Здорови були,*“ произнесъ чубатый сынъ степей, снимая обѣими руками шапку, и низко степенно намъ кланяясь, „*помогай-би вамъ на усе добре!....*“

—„Скажите Бога ради,“ началъ нашъ товарищъ горячась, „отчего вы не подмазываете колесъ у своихъ телегъ?“

„*Якъ?*“ спросилъ его потомокъ запорожцевъ, недоумѣвая сначала въ чемъ дѣло.

Товарищъ повторилъ свой вопросъ.

—„*А що зъ того?...*“ удивленно переспросилъ его въ свою очередь чумакъ.

—„Какъ что съ того?..... безъ подмазки оси скорѣе портятся, да къ тому же онѣ еще и горятъ,“ проповѣдывалъ нашъ нетерпѣливый компаньонъ, комично скрывая главную причину своей досады, изъ-за которой онъ остановилъ обозъ

—„*Эге!...*“ крякнулъ чумакъ, „*та й коломазь тая, усе пакъ не до ладу, не дуже помога.*“

—„А все таки для телеги лучше, она тогда легче бываетъ на ходу.“

—„*Може воно й такъ,*“ какъ-бы нехотя согласился съ нимъ малороссъ, „*але дарма, якъ небудь доидемо до дому, се вже намъ не впервои.*

—„И не стыдно же вамъ, русскіе люди, вмѣсто того что бы учить татаръ чему нибудь доброму, а вы еще сами отъ нихъ берете примѣръ ѣздить на немазанныхъ осяхъ, и скрипите колесами на всю Ѳеодосію,“ проговорился наконецъ нашъ товарищъ.

Малороссъ на это нравоученіе, только саркастически улыбнулся, и помявшись немного на одномъ мѣстѣ, вмѣсто отвѣта, закончилъ разговоръ такими словами:

—„*Отъ-то жъ вамъ, панове, билыиъ ничого й не треба видъ насъ?...*“

—„Больше ничего не надо,“ проговорилъ неожиданно сконфуженный нашъ товарищъ.

Чумакъ быстро повернулся, и по прежнему

громко крикнулъ передовому мальчику:

— „*Ничипоре! поняй!!*“

Мальчикъ съ словами: „*цобъ*“, откинувшись назадъ, потянулъ ремень привязанный къ рогамъ воловъ. Круторогіе поворочивъ головами въ ярмахъ, двинули скрипучіе возы, и снова стали загребать пыль своими неуклюжими ногами, которая по прежнему понеслась густымъ облакомъ по всей набережной.

Въ противуположность этой пыльной удушливой атмосферѣ, намъ въ эту минуту живо представилась въ нашемъ воображеніи, картина очаровательнаго Кизильташа, съ его легкимъ благоухающимъ воздухомъ, покрытой утренней росой роскошною зеленью, отдающимся колокольнымъ звономъ въ горахъ, подпирающихъ голубой небосклонъ,—и красавецъ Кизильташъ самъ собою неотвязчиво сталъ напрашиваться на полотно или бумагу, что бы повѣдать о себѣ міру.

Конецъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стран.

I. Отъ Ѳеодосіи до станціи Криница. Встрѣча двухъ военныхъ. Городокъ Старый-Крымъ. 3

II. Отъ станціи Эльбузла до деревни Таракташъ. Причудливыя горы. Арба съ татарками. Крымскій табакъ. Хаджи. Таракташъ . . . 13

III. Отъ Таракташа до Судака. Сады и виноградники. Крымское вино. Древній Сурожъ. Греческая царевна. Судакъ. Безсонная ночь. Османъ и его садъ. Кальянъ. 21

IV. Отъ Судака до Кизильташа. Татаринъ съ однимъ воломъ. Мѣсто умерщвленія игумена о. Парѳенія 37

V. Кизильташъ и его святыня, Преданіе о колодцѣ. Св. Стефанъ Сурожскій. Монастырскія празднества. Остатки древности . . . 40

VI. Основаніе Кизильташскаго монастыря. Живописный его видъ. Двѣ малороссіянки. Постройки монастыря 47

VII. Игуменъ о. Парѳеній. Словоохотливый послушникъ. Дьяконъ на исправленіи. Дѣятельность монаховъ. Убійство игумена. Убійцы. Могила о. Парѳенія. 55

VIII. Малая доходность, и вообще бѣдность Кизильташскаго монастыря 69

IX. Спускъ съ горы впотьмахъ. Монастырская гостинница. Вторая безсонная ночь. Видъ со скалы. Клиросные. Богомольцы. Кавалькада подъ дождемъ 71
X. Деревня Отузы. Дѣвочка съ кувшиномъ. Татарка-фанатикъ. Молящаяся старуха у родника. Черное море. 84
XI. Двуякорный мысъ. Новый Полиѳемъ. Барашки. Обратная поѣздка. Крымскіе греки . . . 91
XII. Крымскіе фонтаны 99
IIIX. Танцующая татарка. Музыканты. Лошади „аянъ.“ Чумаки. Заключеніе. 102

Въ продажѣ находится того же автора:

ОБЩАЯ МУЗЫКА

КРИТИЧЕСКІЙ ЭТЮДЪ.

1876 г.